

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

26.12.1959—17.02.2009

**10 ЛЕТ СО ДНЯ УХОДА
60 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

2019

Х у д о ж е с т в е н н о -
п о э т и ч е с к и й
с б о р н и к ,
п о с в я щ е н н ы й
п а м я т и
п о э т а
В а л е р и я
П р о к о ш и н а

Память Собака Безвременье Точка Ру

Обнинск
2019

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

П78

■ С о с т а в и т е л и

Наталья Никулина,
Эльвира Частикова,
Вячеслав Черников,
Вера Чижевская,
Ольга Шилова,
Ольга Галактионова.

■ Р е д а к т о р

Наталья Никулина

■ М а к е т , и л л ю с т р а ц и и

Вячеслав Черников

С О Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Наталья Никулина. О Валерии Прокошине</i>	7
<i>Валерий Прокошин. «Смерть – это магнит»</i>	8
<i>Вера Абалакова. «Мой след останется». Эссе</i>	10
<i>Вера Чижевская. Валерию Прокошину</i>	18
<i>Валерий Прокошин. «Лампа светит тускло, будто...»</i>	21
<i>Сергей Кузнецихин. Памяти Валерия Прокошина</i>	22
<i>Валерий Прокошин. «Чтоб каждая тварь свою жизнь начинала с нуля...»</i>	23
Стихи из цикла «Русское кладбище»	28
«На чужом языке – почти что на птичьем»	36
<i>Вячеслав Черников. А чего ещё надо! Эссе</i>	40
<i>Валерий Прокошин. «нагрешил, говорит, не глядя, мол, все заповеди нарушил...»</i>	45
<i>Эльвира Частикова. Невод</i>	46
Разговоры с другом	49
Письма другу через десятилетия (цикл стихотворений)	50
<i>Валерий Прокошин. К нашим с тобой фотографиям</i>	52
<i>Людмила Киселёва. Когда долго живёшь (глава из книги)</i>	54
<i>Валерий Прокошин. Баллада о Боровске</i>	59
«Где мы жили – кривая улица...»	60
Портрет	60
<i>Николай Милов. В. Прокошину</i>	61
<i>Валерий Прокошин. Николаю Милову</i>	62
<i>Галина Ушакова. Стихи, посвященные В.П.</i>	63
<i>Валерий Прокошин. «Душит/жаба Басё или приколись/к ёжику»</i>	65
Дикий мир танкеток добр	66
«Зебры/штрих-код саванн или красна/книга скотин». Танкетки	67
<i>Ольга Шилова. Эта сырая земля, эти сосны и эта земная ограда...</i>	69
<i>Валерий Прокошин. Посвящения</i>	72
<i>Наталья Никулина. Валерию Прокошину</i>	87
Алфавитный указатель	88

В. Прокошин в Санкт-Петербурге, 2007

■

Валерий Иванович Прокошин (26.12.1959—17.02.2009). Дикоросс. Поэт русской провинции. Поэт-пророк и поэт-судья. С одинаковой страстью писавший не только ярчайшие традиционные стихи, но и прозу, стихи и сказки для детей, хайку, танкетки...

Современный язык, молодёжный жаргон и интернетовский сленг, которые он органично вводил в свои произведения, создают иллюзию непосредственного присутствия автора здесь и сейчас. А читатель становится свидетелем, собеседником, соучастником, другом, переживающим вместе с автором эту жизнь...

Лауреат поэтических премий имени Марины Цветаевой, Валентина Берестова, дважды дипломант Волошинской премии. Публиковался в журналах «Новый берег» (Дания), «Крещатик» (Германия), «Флорида» (США), «Дети Ра» (Москва), «День и Ночь» (Красноярск), в сетевом альманахе «45-я параллель», «Словесность», «Новый мир» (Москва, посмертно)...

Уже с середины 80-х годов прошлого века публикации появлялись в многотиражке «Текстильщик» Ермолинского хлопчатобумажного комбината и в районной газете «За коммунизм» (с 1991 г. — «Боровские известия»).

Автор трёх поэтических книг и трёх книг для детей (под псевдонимом Евгений Козинаки (1992-1997 гг.) и цикла сонетов «Возвращение» («Дети Ра», 2009, 8 (58).

Наиболее известная прижизненная книга, ставшая своеобразной визитной карточкой неповторимого прокошинского слога, — «Между Пушкиным и Бродским» (Санкт-Петербург, 2006; Геликон + Амфора).

После смерти Валерия, благодаря друзьям, менее чем за три года было издано две его поэтических книги — «Не кружилась листва» (Обнинск, 2011; Оргтехпринт) и «Ворованный воздух» (Библиотека журнала «Современная поэзия» под редакцией А. Новикова и А. Коровина — Москва, 2012, Арт Хаус медиа).

Многие литераторы считают творчество Валерия Прокошина одним из самых значительных явлений в русской поэзии конца XX — начала XXI веков.

Валерий Прокошин жил в некогда «закрытом» городке под Москвой — Обнинске (Первый наукоград России, город Первой атомной станции). Родился, жил, умер и похоронен в Калужской области (деревня Буда—Обнинск—Обнинск—Ермолино). Родился, жил, умер и... творил. Творил. Это слово было самым важным в его жизни.

Увы, жизнь и творчество — не всегда и не для каждого равнозначны, равновелики и равноценны. В случае с Валерием, можно точно сказать, что творчество было для него важнее, чем жизнь.

Наталья Никулина

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

«СМЕРТЬ – ЭТО МАГНИТ»

* * *

Ветер растрепал
прическу покойнику
так же, как в детстве.

* * *

Обмыли без слез,
переодели без слов.
Чужие люди.

* * *

У церкви шофер,
притормозив, привычно
перекрестился.

* * *

Впереди с распах-
нутыми объятьями
столпились кресты.

* * *

Две процессии
встретились у кладбища.
Одиночество.

* * *

Всю ночь воев пес.
В доме напротив умер
сосед-пьяница.

* * *

«Отче Наш иже...»
вновь соскальзывает с губ
пьяной старухи.

* * *

Коля-боббль... Не могу
вспомнить отчество
и фамилию.

* * *

Память. Собака.
Безвременье. Точка. Ру.
Твой новый e-mail.

* * *

Ну, как тебе там
без водки и бабьих слез?
Заморосило.

* * *

А на осину
кто-то повесил пальто.
Будто Иуда.

* * *

Вдруг раскричались
кладбищенские птицы.
Кругом воронье.

* * *

Молодежь спешит
с кладбища, старики медлят.
Смерть — это магнит.

* * *

Проснуться ночью
от сладковатой боли
под левым соском.

* * *

Подсматриваю,
как ты красишь ресницы
вокруг пустых глаз.

* * *

Таблетка луны
за щекою облака
от земной тоски.

* * *

И было лето.
А потом будет Лета...
Ничто не вечно.

* * *

Как хочется жить...
О, как хочется
жуть...

* * *

На девятый день
Бог создал кузнечика —
так, для забавы.

Вера Абалакова. Поэт, прозаик, журналист. Серебряный медалист литературного Фестиваля Фестивалей ЛИФФТ-2018 в прозаической номинации. Член Союза журналистов. Публиковалась в журнале «ЛиФФт», в газетах «Боровские известия», «Русский репортёр», в журнале «Искусство для всех», в сборниках национальной литпремии «Поэт года 2016 и 2017». Живёт в Боровске.

«МОЙ СЛЕД ОСТАНЕТСЯ...»

Эссе

Мелодии его стихов

Влезть в интернет со своими строчками меня заставил Валера Прокошин...

Я тогда ничего почти не умела и он создал мою страничку на сайте Стихи.ру, придумав логин и пароль, которыми до сих пор пользуюсь.

Посмотрела дату первой публикации – 29 сентября 2004 года. Первый цикл, заброшенный в сеть, был к тому дню уже подобран – мы с ним только что опубликовали совместную страничку стихов в «Боровских известиях» под креативным названием «Звезда с звездой говорит». Придуманным, конечно же, им. Это вызвало недоумённое удивление читателей и коллег. Как рассказывал сам Валера, ему приходилось подробно и не раз объяснять нашу «звездность». И если с ним было все понятно, то мне-то что на этой высоте было делать? Но в моём «послужном списке» имелось создание первых независимых газет в районе, репутация жесткого журналиста, а также поездка на вторую чеченскую... Ну и народ со скрипом соглашался...

Я сама к своей поэзии долго не относилась слишком серьезно, хотя те, кто с ней знакомился, отмечали повышенный энергетический заряд стихов. Тогда все они лились на бумагу в состоянии эмоционального порыва. Мне просто нравилось ловить вдохновение, вспыхивавшее в самые неподходящие моменты, когда и писать не на чем... За моими плечами до переезда в Боровск в 1988 году имелись два года поэтических семинаров в редакции журнала «Юность», которые вел Кирилл Ковальджи. Как отличить поэзию гениальную от просто хорошей или вторичной уже умела, да и Лермонтов с 9 лет был моим любимым поэтом.

Я приехала в Боровск аккурат перед выходом в свет сборника «Боровск поэтический» и Людмила Киселева, с которой я начала сразу общаться, предложила мне принести свои стихи. Но их в сборник не включили. Именно из-за этой повышенной энергетике, - как мне потом объяснили отказ. И это посоветовала профессиональная поэтесса: если включите Абалакову, она перебьет по эмоциональности остальных.

Я не огорчилась, мне было все равно – включают или не включают, но этот вывод сто-

ил дорогого: присмотрелась к своим строчкам внимательнее. А моя первая маленькая книга стихов вышла в свет только через 10 лет, а до этого были лишь странички в газетах. И на странички подвигал именно Валерий Прокошин.

Мы стали дружить с начала девяностых, когда я пришла работать в «Боровские известия», куда он забегал несколько раз в неделю.

- Я стишочек написал, - неожиданно говорил он загадочно. И читал вслух. Читал великолепно, с упоением. Ему нравилось то, что он сочинял. И хотя районка не часто планировала поэтические странички, он дипломатично, но методично «доставал» редактора Людмилу Аникину, она в итоге сдавалась. И затем можно было увидеть радостного Валеру, забирающего три-четыре номера газеты с публикацией...

Но мне поначалу он представился так: я – детский поэт. И что-то сказал о своей книжечке, которая то ли уже вышла из печати, то ли еще готовилась. Я его книг для детей так и не видела много лет. Видимо, они раскупались быстро*. А в 1992 году он подарил свой сборник «Боровск. Провинция». Стихи меня не очень впечатлили. Они придут ко мне позже, придут голосом Николая Милова в песнях, написанных на стихи Валерия. А кстати, именно стихи Милова из сборника «Боровск поэтический» мне и понравились больше всего. К сожалению, судьба выбила Николая из поэтического седла...

И пусть считается, что в одном купе два греческих бога встретиться не могут, Милов и Прокошин это утверждение опровергли. Жаль, что до сегодняшнего дня ни стихи Милова, ни цикл его песен на стихи Прокошина не дошли до широкой российской аудитории.

А лично мне их песни ложились любовно на душу во время длительных поездок в Штаты, когда через месяц-другой накатывала ностальгия и я начинала их слушать безостановочно... Да и в Боровске, возвращаясь пешком из центра на свою окраину, частенько напеваю: «У февральских деревьев неприкаянный вид / заблуждения наши, блуждания наши / как походи на эти пустые пейзажи / лишь шальная удача, коснувшись однажды...»

Бои без правил

...Так вот, где-то в начале двухтысячных Валера рассказал о своих впечатлениях от погружения в интернет. Он, по его словам, начал читать современных поэтов в сети и увидел, что отстал от времени: сегодняшний день требовал от автора новизны, другой ритмики стиха, свежих метафор и образов. Он шагнул в бездну интернета, зажигая страсти публикациями и разогревая интерес к своим стихотворениям... Его дремлющая авантюрная жилка вышла наружу. Именно там отыскал его Андрей Коровин, ставший крестным отцом и проводником Валерия Прокошина в этой необъятной сфере, где так легко потеряться.

* Всего у В. Прокошина (под псевдонимом Евгений Козинаки) вышло три книги для детей: «Про секреты» (стихи для детей, 1991 г. тираж 75 т. экз.), «Во всем виновата Жучка. Веселая история для ребят, которые любят котят» (рассказ, 1994 г., тираж 100 т. экз.) и «Озорная азбука» (стихи для детей, 1998 г., тираж 25 т. экз.). Все книги вышли в калужском издательстве «Золотая аллея».

Наверное, странно, но до сих пор вслушиваюсь-вдумываюсь в слова Прокошина через голос Милова. Изумительные строчки, которым придают трансцендентальный смысл – для меня – акценты и ритм мелодии:

Есть очарованность
лететь домой,
покинув пристань звезд,
счастливым быть до слез,
и по земле пройти,
и снова стать судьбой,
и снова жизнь начать
с весенних гнёзд.
Душа моя вчера была ничьей душой,
и я вернулся в дом, и зимний день ушел.
На голубой земле душа состарится, состарится, состарится,
и на твоём стекле мой след останется...

Несколько раз у нас случались поэтические чтения-турниры в Боровской картинной галерее. Первый раз – после совместной фотовыставки в начале двухтысячных. Я тогда очень завидовала множеству его стихов о Боровске. У меня имелось только два, Боровск пришел в мои строчки позже.

Часто шагая по боровским улицам до дома Людмилы Киселевой и Николая Милова, он высматривал стихи в домиках, наличниках, лужах. Сейчас, проходя по улицам Володарско-го или Калужской, невольно напеваю строчки, навсегда оставшиеся в ауре пространства:

Я люблю тополя, их болезненный вид
И провинцию в жёлтой накидке,
И над домом художника лист отзвенит
В бесполезной короткой попытке...

В более ранних стихах – деревенский, ностальгирующий и очаровательный Прокошин-поэт. Но в его строчках уже копят афоризмы и собираются камни – разбрасывание впереди. Еще нет поэмы об интернете, нет «ворованного воздуха», нет «Кокаинового Каина», где он проявит другие ипостаси, высветив себя жёстким и даже жестоким судьёй. И к себе, и к другим. Наступит последнее десятилетие его земной жизни, и он оценит мир вокруг не как созерцатель красот.

Всё плывет, исчезая в обычном табачном дыму...
Ощущенье, что жизнь непонятна почти никому.
Даже в старенькой церкви рукой заслоняюсь от свеч:
Не жалеть эту жизнь, никогда не жалеть, не беречь.

Поэт оборачивается хирургом – патологоанатомом. Он суров, совершая положенную операцию. Да и разве можно жалеть то, из чего уже ушла жизнь и требует только постановки диагноза с последующей записью в журнале? «Никогда не жалеть, не беречь» – это точный приказ самому себе, – по законам военного времени. Он не обозначал в своих сборниках дат написания стихов, но это явно – позднее. Сравните с мягким и плакучим есенинским «Не жалею, не зову, не плачу,/ Все пройдет, как с белых яблонь дым».

У тех, кто погружается в интернет с легким сердцем и поступью, сердце через время начинает болеть, ибо интернет – это не только библиотека, это – пороховой склад, ринг и бойня. Оттуда все возвращаются другими, изменение сознания под воздействием сильных и зачастую чуждых энергий – это не миф, а факт. Мальчик Валера, выросший в ермолинском бараке, определенно не мог в интернете сломаться или сгинуть. Но он также не мог не подцепить виртуальные вирусы – приманки, которые разбросаны по сети, как направляющие на монтажном столе в программе для верстки. Только верстки не книги, а своей жизни. С Адом соревноваться невозможно. А он – пробует. Почти наугад и почти один.

Переулками можно дойти до развалин Четвертого Рима
И войти в кипяченые воды реки Интернет.
Впрочем, вся наша жизнь – электронная версия Бога:
Этот город, зима, и к тебе столбовая дорога...

На полях интернета много рингов для боёв без правил. Там поджидают тех, кто выскочил без лат, с открытым забралом. Там каждый получает то, что хотел, но запоминает обычно то, чего не хотел.

Мы легко нарушаем границу обычной любви под воздействием опия.

И в запретном пространстве на глупый вопрос: «Was ist das?»

Я вокруг озираюсь, и вдруг понимаю, что прошлая жизнь – только копия.

Настоящий роман начинается здесь и сейчас.

Он, не имеющий возможности путешествовать в реальности, нашел площадку для творчества в безраздельных миражах сети. Он нашел там брошенную на погибель армию, сплотил ее, стал генералом. Только в этом слиянии можно было создать поэму об интернете, единственную в своём роде и по своей сущности. Понимая: обратного шага не будет.

Не русский император
Сгубил мою судьбу,
А вечный модератор
С шестерками на лбу.

А что было бы, если бы... Если бы не промчался он через интернет?

Сама иду туда и читаю многочисленные восторженные воспоминания о выдающемся русском поэте Валерии Прокошине. Неужели он жизнью своей заплатил за признание страны? Неужели остался бы здоровым и живым, – устремленным, пишущим, читающим, берущим новые творческие высоты, дополняющим поэтический сленг...?

Я хотела бы, чтоб жил... Но он, видимо, уже принял решение.

Звуки плывут и впиваются в плоть, как чума, как холера,
Сердце наполнилось чувством счастливой вины.
Крутится неномерной диск луны под перстом Люцифера:
- Не зарекайся, - звучит, - от любви и войны.
Не зарекаюсь. К тому же, весь день под окном лазарета
Для разлюбивших навеки, кого не спроси,
Крутит шарманку знакомый парнишка из Назарета:
«Отче, пожалуйста, Чашу сию пронеси...»

Да, да, несомненно. Если взглядеться в его поэтические образы, можно осязать и другие ипостаси. Конечно, он был воином, ни от чего не зарекающимся.

И в своих битвах четко услышал зов и, как мне видится, осознанно встал на путь, путь по лезвию тончайшей бритвы. И, конечно же, повторял на пути спасительное слово – вослед за «парнишкой из Назарета»....

Сделаю вдох и остановлюсь. Будет странно, если промолчу о том, что думалось и обговаривалось с людьми, близко его знавшими. Осенью 2007 года сама сказала ему об этом. О том, что наше слово и дыхание связаны, и болезнь, поселившаяся в его теле, пришла вослед за его мыслями и словами. Надо найти те слова и как бы – перепонять...

Валера догадался, о чем речь. Но он в это или еще не поверил или уже не успел. Обе Силы в его предвосхищающих собственную Судьбу строчках идут рядом и соединяются в душе почти одновременно.

Успеть поставить акцент и метку – вот последующий путь любой Судьбы...

Несостоявшаяся книга

В девяносто девятом, кажется, году он принес мне в редакцию «СТРАДАловки» десяток напечатанных страниц.

– Я начал писать повесть.

Вникаю, хихикаю, вопрошаю: а Вера Адольфовна – случайно не я? Что-то знакомое проскакивает...

Хитро улыбается... - Я показал это в литобъединении Обнинска, так там кое-кто себя узнал и обиделся...

Из прозы, что я позже читала, меня поразил рассказ о брате, которого не было. Проза

в стиле «сюр» мне не подошла. После первого прочтения я к ней пока не возвращалась.

Кажется, в девятьсот девяносто девятом в центре Боровска встретились художественный руководитель и основатель театра на Юго-Западе, народный артист России Валерий Белякович и Валерий Прокошин. За пару недель до этого Прокошин предложил издать совместный сборник прозы. Поначалу я согласилась, но у меня мало было окончательно доделанных вещей, а часть их была вообще в тетрадах и записных книжках. А времени на перепечатывание не было, выпуск газеты съедал все время, выходных не предвиделось.

В. Белякович имел в своём арсенале моно-спектакли, на которых читал свои великолепные смешные и серьезные рассказы. И в момент, когда я их знакомила, предложила сделать книгу «на троих»... На этом наши совместные творческие планы завершились. Было некогда.... От того дня остались только снимки.

Ныне оба Валерия на ином свете. И, возможно, там воплотят не исполненное...

Мечта о компьютере

«Он постоянно предлагал нам совершить какой-то подвиг» — эта строчка из моей книги «Журналист и К° или как я работала редактором» о Валерии Прокошине.

Нам — это редакция газет «101-й километр», «СТРАДАловка», «Ваше Право». Вначале он приходил в качестве журналиста Ермолинского телевидения вместе с оператором Николаем Кубышкиным и брал интервью — о причинах создания этих газет. А затем уже приходил и со стихами, и с идеями.

Он втянул коллектив «СТРАДАловки» в игру КВН с ермолинскими коммерсантами, сам и снял сие действо на видео. Удивительное было время — двухтысячный год, последний год двадцатого века. Зарплата наших едва хватало на еду, но у нас имелись: радость, праздники, смех, планы... Валера, с постоянной хитринкой на лице, успевающий бегать по трем работам, насколько помню, всегда устремлялся в будущее...

- Абалакова, у меня идея! - в редакционных дверях сияет знакомый узорчатый свитер. А еще я стишочек принес — ко дню рождения Высоцкого...

Достаю с антресолей подшивку «СТРАДАловки» за 1998 год.

№3 (22) от 22 января — мои воспоминания о жарком лете восьмидесятого года, и такие точные, уже забытые мною вот эти строчки Прокошина:

«Снова лето свинцовым загаром скользит по лицу,
А июль, облетая пространство, сбивает пылью
С океанной души. И на самой последней струне
Век-Владимир хрипит, задыхаясь в любимой стране...»

№6 (25) от 12 февраля — к моей редакторской колонке, посвященной дате — 161 год со дня смерти Пушкина — стих Прокошина:

«...Черное, как полночь, платье,
Поцелуй в укромном месте
И пленительные жесты.
Жадным взглядом, жаркой речью
Обещает снова встречу...
- Где? Когда? На чьём крыльчке?
- В тридцать семь. На Чёрной речке...»

Листаю подшивку дальше. Не без радости: какая цельная, современная и веселая была газета! И – о! Глазам не верю! Я вообще забыла об этом!

№ 18(37) от 7 мая – интервью с Валерой на целую полосу «Подарите писателю компьютер» под рубрикой «Рыцари пера», посвященное его вступлению в Союз писателей. Перечитываю...

Интервью достойно того, чтобы опубликовать его целиком. А сейчас – выдержка:

«На календаре - конец апреля 1998 года. Какая самая большая мечта затаилась в сердце на этот день?

...Я знаю, сейчас очень многие литераторы начали работать на компьютерах, потому что удобно. Для меня же не столько удобство, сколько жизненная необходимость.

У меня здоровенная печатная машинка, которую с трудом можно поднять. И когда к ней прикасаешься, то это слышит весь дом, а затем нервный сосед снизу начинает стучать по батарее, сверху начинает истошно лаять собака, а сбоку плачет грудной младенец. А так как я работаю на двух работах, то моя творческая жизнь может протекать вечером или ночью...»

Не помню, чем закончился тогда наш призыв, кажется, компьютер ему подарили. Он особенно и не афишировал свои материальные возможности, точнее, невозможности.

Фотографии

... Человеческую потерю я осознала позже две тысячи девятого года. И само известие о смерти пришло странно. В марте 2009 года, светлым утром, выйдя в центр Боровска, я узнала: в конце января скончался наш художник и общественный деятель Игорь Солдатёнков. В тот год я работала в Москве и приезжала домой нечасто, информация не дошла. А вечером того же дня, обсуждая кончину Игоря Алексеевича с кем-то по телефону, упомянула о Валере Прокошине. На том конце провода недоуменно замялись, и я услышала страшное известие. Его не было на свете уже месяц...

...Осенью 2007 года Валера попросил меня приехать в обнинскую больницу, где он в тот момент находился, и сфотографировать его. Фото в беседке, на аллее больницы, с моим большим черным зонтиком... Похудевший, лысый, но бодрый и крепящийся.

Я напечатала десяток наиболее удачных фотографий для него, а вот записать и передать диск не успела. Мой компьютер со всей базой данных украли из моей квартиры...

Но, тем не менее, часть фотографий – других – сохранилась на дисках и пленках. Они не все систематизированы, не все найдены. Но сейчас каждая из них кажется частичкой достояния. В них – дни поэта, сумевшего выйти за свой не такой долгий человеческий путь на орбиту вселенского творчества.

Мне с печалью земной не сладить,
Но на краешке бытия
Бог одною рукою гладит
Человека и муравья.

Вера Чижевская. Поэт. Член Союза писателей России.

С 1989 года постоянная участница фестивалей свободного стиха, верлибра. Автор девяти поэтических книг и трёх книг прозы. Публиковалась в журналах «Крещатик», «Дети Ра», «Волга», «Смена», «Журнал ПОэтов», «ЛиФФт» (Всероссийский и Калужский), «Плавающий мост», в Антологии русского верлибра и многих других. Живёт в Обнинске.

ВАЛЕРИЮ ПРОКОШИНУ

ФЕВРАЛЬСКИЕ ВТОРНИК, СРЕДА, ЧЕТВЕРГ...

Без тебя пришёл, Валерий, шалопутный день апреля,
чтоб раскидывать на память горстки ветреных стихов.
Но скажу о том, что было: я неделю за неделей
слышу шум в своей квартире неопознанных шагов.

В тот февральский белый ВТОРНИК, ровно в час твоей кончины,
у меня замок заклинил. Но хотел твой дух войти!
Дверь сосед ногою выбил.
...А потом, после починки,
я могла вполне бесстрашно жить от мира взаперти.

Но проникла весть о смерти — с ней сознание боролось
(телефон исправно в СРЕДУ знал про горестные дни).
Только вдруг автоответчик подарил живой твой голос —
что записан был во вторник: «Вера, мне перезвони!»

Я подумала сердито: «Ну, опять Прокошин шутит!
Он вчера совсем не умер! Разыграл, негодник, нас!».
Я же помню, как при жизни ты без сути и по сути,
подавал в скабресной шутке ЛТП и унитаза.

Оказалось, что не шутка: и во вторник ты заочно
захотел сказать мне первой про последний страшный миг.
...Снег летит в открытых книгах над твоею каждой строчкой,
и, по строфам расселившись, смотрят ангелы из них.

Ты запомнил – путь к могиле по дороге грязной длится,
но ЧЕТВЕРГ был бело-чистым средь заброшенной земли...
Неспроста ты столько ангелов накликать на страницы.
...И – они тебя послушно и поспешно унесли.

* * *

«...то ли ангел взлетел, то ли грешная птица»

В. Прокошин

– Он был грешен, грешен, грешен, грешен..., –
говорю и комкаю платок...
Грешен тем, что умер – неутешен?
Грешен, что остался одинок?

А стихи?.. Они за жизнь боролись
там, где у подножия креста
он играл трагические роли
скомороха, скальда и шута.

И с какою шуткою ответной
смерть его с собою увела?
А стихи?.. Они болезнью смертной
выбили поэта из седла.

Он не взял на сроки жизни квоту,
вопреки беспомощным врачам.
А стихи?.. Они сводили счёты,
запрещая верить по ночам,

что продлится время с каждым словом...
И тогда он белым днём затих.
А стихи?.. По небесам суровым
ангелы летели вместо них.

ТОВАРИЩ НАСУЩНЫЙ

Памяти Валерия Прокошина

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Из «Отче наш»

Жил, где водочный был магазин и театром и Меккой,
мой товарищ по строфам, по строчкам и по запятым.
Сохранялось тире между жизнью и смертью в полвека –
зыбкий мостик, ведущий к высоким ступеням крутым.

Заносило и влево, и вправо, на юг и на север –
но тупым алкашом не хотел становиться никак
мой товарищ по песням, по мыслям...
Бестрепетный сервер*
нынче быстро находит воспетый рабочий барак.

Так воспел, что и нынче по коже сбегают мурашки!
И – «в подвалах, углах, чердаках» сохраняется свет
от свечи. Но ушёл по морозу с душой нараспашку
мой товарищ, хлебнувший земных и небесных сует.

...Я во двор выхожу, где оставил СЛЕДЫ под снегами
мой товарищ насущный – весёлый, промокший, шальной;
многогочие их – путь меж ЭТИМ и ТЕМ берегами,
где живые слова угасают за нашей спиной...

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

* * *

Вере Чижевской

Лампа светит тускло, будто
Прячет нас от страшных лет.
Ничего теперь не будет,
Да и не было, и нет.

Кто-то плачет в самоваре,
А в углу поёт сверчок.
Мы индийский чай заварим
Под болгарский табачок.

Нам с тобой уже не ведать
Одиночества в дому,
И не спрашивать: «Что делать?»,
«Кто виновен?», «Почему?».

Полночь смотрит глазом карим
К нам в окно, а мы – молчок.
Мы бразильский кофе сварим
Под французский коньячок.

Посреди России снежной
Слабо светится окно
Отраженьем жизни прежней
И чужой давным-давно.

Время век о вечность точит,
Приставляя смерть к виску.
Мы допьём остаток ночи
Под российскую тоску.

Сергей Кузнецовичин. Известный сибирский писатель. Первый рассказ вышел в альманахе «Енисей» (1981). Принимал активное участие в выпуске книжной серии «Поэты свинцового века» и др. Составитель сборника интимной лирики «Свойства страсти». Публиковался в журналах «Дальний Восток», «Литературная учёба», «День поэзии», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Предлог», «Арион», «Наш современник», (США), «Эдита» (Германия) и многих др. Член редколлегии журнала «День и Ночь». Живёт в Красноярске.

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ПРОКОШИНА

Городские квартиры и сельские избы
Далеки, но значительно дальше от них,
Низкорослые русские анахронизмы –
Засыпные бараки окраин глухих.

Точно так же, как дети, рожденные в браке,
От нагулянных (я не касаюсь тюрьмы –
Повезло), но рожденные в шумном бараке,
От рожденных в домах отличаемся мы.

Пусть не только у нас тараканы с клопами –
Светлым будущим жить не легко никому.
Но особая, чисто барачная память,
Выдает невозможность побыть одному.

Слишком тесная близость чужого дыхания.
Узость комнат скрывает большой коридор.
И распахнутость, и отчужденность глухая
В наших душах ведут изнурительный спор.

Обнаженность развешанных стиранных тряпок
И бесстыдство скандалов...
А после того –
Постоянность желания спрятаться, спрятать,
Не конфетку в карман, а себя самого.

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

«ЧТОБ КАЖДАЯ ТВАРЬ СВОЮ ЖИЗНЬ НАЧИНАЛА С НУЛЯ»

* * *

Путь за моей спиной зарос крестами,
Мне не спасти тебя.
Во всех словах, исторгнутых устами, —
Проклятье и мольба.

Подыскиваю полночью ответы,
Чтоб твой вопрос понять,
Я буду наткаться на предметы —
И мучиться, и лгать.

Как я предам тебя, еще не ясно,
Но знаю поутру:
Быть грешником с тобою не опасно,
Пока я не умру.

Жизнь на земле не может быть другою:
Ни слаще, ни черствей.
На всех предметах, тронутых рукою,
Остался след гвоздей.

* * *

Ты лепил меня на склоне лет,
Собирая крохи по сусекам,
На краю земли, где жизни нет
Даже горнякам и дровосекам.
Отпусти на волю, старина,
С поля брани.
Что мне эта дикая страна,
Что я — крайний?

Я замешан на твоей крови,
Из муки из дедовых запасов,
Но не ради муки, а – любви,
Между двух нерукотворных Спасов.
Отпусти, я все, что мог, урвал,
Ради Евы.
Что мне этот гибельный Урал,
Что я – левый?

Оглянись: повсюду только пыль,
Пыль веков да царственные яти.
Я ушел от всех, кого любил,
Только ты не разжимал объятий.
Отпусти меня из добрых рук,
Боже, иже!
Что мне этот Екатеринбург,
Что я – рыжий?..

* * *

Я останусь нынче в Санкт-Петербурге,
Покатаюсь ночью на Сивке Бурке,
Только ты о прошлом не суесловь.
В переулках Кушнером бредят урки,
Пресловутый топор под брюхом каурки,
В проходных дворах леденеет кровь.

Для тебя, Иосиф, и прочих рыжих –
на Фонтанке культовый чижик-пыжик,
Не зови с собой его, не зови.
От прощаний привкус болиголова,
Только ты о прошлом теперь ни слова,
Что с того, что миф у меня в крови.

Не хочу быть сказочником дешевым,
Встань травой, примятой Петром Ершовым.
Город словно налит по грудь свинцом.
Ностальгия шепчется с конвоиром.
Вдоль реки, разбавленной рыбьим жиром,
Фонари стекают сырым яйцом.

В потемневших водах Невы с обидой
Ленинград рифмуется с Атлантидой,
Не заглядывая за погасший край.
Эту ночь делить нам с тобою не с кем,
Мы вернемся в рай опустевшим Невским,
Мы вернемся в рай, мы вернемся в рай.

* * *

Время спаивать бабочек, ос и стрекоз
Виноградным вином или брагой.
Пьяный август, целуясь со всеми взасос,
Добавляет в шампанское местный наркоз,
Чтоб не путать Калугу с Итакой.

На полях средне русской родной полосы
Сплошь ботва попережку с горохом.
Датый Бражник, и злое похмелье осы,
На часах — трехминутная тень стрекозы...
Сладко быть очарованным лохом.

Вспоминать одиссею куда-то на юг:
Дикий пляж и вино без закуски,
И нудисты кругом, и нудистки вокруг.
Мне хотелось, допив этот вечер из рук,
Петь хохляцкие песни по-русски.

Но шальная волна накатила в глаза,
Просолила собой две эпохи:
Бражник спился, в подъезде бомжует оса,
Стрекоза, говорят, улетела в USA.
Только мы все такие же лохи.

Вспоминаем Итаку и эдак, и так,
Ловим райских кузнечиков речи.
Жизнь, как будто разжала пудовый кулак,
Но по-прежнему пахнет клопами коньяк,
И запить его, Господи, нечем.

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ

Осьмнадцатого января в Петербурге весь день шел снег,
А вечером в воздух кто-то добавил шанели.
Акакий Акакиевич – маленький человек
Вышел на улицу в новой мышинной шинели.
Он прошел по Невскому, оглядываясь по сторонам,
Заметая полой следы – просто так, для вида.
Продолжалось время простых человеческих драм,
Над Исаакиевским собором горела звезда Давида.
Что там «Матрица», «Дьяволиада» или «Ночной дозор»,
На железных крыльях, на серых крыльях роллс-ройса
Он явился в Москву на постылый кремлевский двор:
- Guten Tag, - он сказал кому-то. - Сим-сим, откройся!
И открылись стальные двери и выпал бубновый век
Козырным тузом. За спиной, как всегда, шумели...
Акакий Акакиевич – маленький человек,
Но он встал в полный рост и вышел из гоголевской шинели.

ВОРОВАННЫЙ ВОЗДУХ

вот те Бог, он сказал и кивнул то ли вверх, то ли просто вбок
вот порог, он добавил, ступай. И я шагнул за порог
я дышал ворованным воздухом – и надышаться не мог

я не мог говорить — я боялся, что мимо спешащий Бог
попрекнет ворованным воздухом, взятым как будто в долг
что ему все эти тексты, фразы, слова, или даже слог

я боялся Бога — Он был справедлив, но капризен и строг
я молчал все утро, весь день и весь вечер, я падал с ног
и ворованный воздух, сгущаясь, чернел, превращался в смог

ночь упала плашмя у ног, как непрожитой жизни итог
итога: ворованный воздух гудит в проводах вдоль дорог
все напрасно, Господи, слышишь?.. Слышит, слышит — на то и Бог

не воруй, говорит, даже воздух, добавил. А сам-то, сам
то и дело шепчет, я слышал, вздыхая: сим-сим, сезам
видно, трудно ему не дышать, привыкая к чужим слезам

* * *

чтоб каждая тварь свою жизнь начинала с нуля:
с затрещины Бога, с падения яблока в руки,
изгнания, с крика «земля!», с непотребного бля,
с Москвы, Риги, Тмутаракани, Парижа, Калуги,
оргазма, с больничной палаты, тюремного ша
с дороги, которая к вечному Риму, вестимо,
чтоб каждая тварь, у которой под кожей душа,
и варварский сленг, и почти примитивное имя,
ментальность, харизма, дурные привычки, как встарь,
способность к предательству, преданность делу и слову,
и слезы, и ангельский стыд, чтобы каждая тварь,
которая названа как-нибудь, где-нибудь, словно
последняя тварь, свою жизнь начинала с нуля —
по Цельсию, по Фаренгейту, и выше: с былинки,
с куста и креста, колокольни, с церковного ля,
с видения отроку Варфоломею в глубинке,
с отца Никодима, что жизнь положил на алтарь
под Боровском, с тайной вечера, распятия или...
чтоб каждая тварь, чтобы каждую божью тварь
любили, любили, любилилюбилилюбили

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ»

ТОБОЛЬСК

Темнота осыпается пеплом и плавится воск,
Чьи-то тени прошли, наклонясь к моему изголовью.
Падший ангел и тот покидает проклятый Тобольск,
Нынче залитый кровью, последнюю царскую кровью.

Здесь теперь ни души, только красные звезды вокруг,
Я зачем-то пытаюсь прорвать этот адовый круг.

Если б кто-то любил меня или вернулся ко мне,
Я бы мог успокоиться в этой ужасной стране.

Но поверх расставаний, любви, добродетели, зла
Толстым слоем повсюду лежит, остывая, зола.

Пепел памяти кружит, срываясь с деревьев весной,
Прилипает к лицу, засыхает как будто короста...
И на площади Красной за красной кирпичной стеной
Дети царевичей принимают парад у погоста.

ЛУБЯНКА

Н. Гумилёву

Помилуй, время, я не птицелов,
Мне не нужна коллекция пернатых.
В моем доме расстрелян Гумилёв —
Невиноватый меж невиноватых.

И потому я все еще боюсь:
Вдруг эта пуля взвизгнет рикошетом.
Я в этом доме нынче не молюсь,
Но спать ложусь — и думаю об этом.

Скрипят ботинки ночью по песку,
Скрипит перо по бездорожью бланка...
Безумный сон приставила к виску
Все та же сумасшедшая Лубянка.

«АНГЛЕТЕР»

С. Есенину

По Ленинграду... граду... аду,
Ногами загребая снег,
Как окровавленную вату,
Повешенный шел человек.

Чужой закат пылал над городом
И пеплом наполнялся след.
И жутко кожу жгло за воротом
Рубахи. Боже, восемь лет.
Тогда еще никто на свете
Не понимал; в каком бреду
Его приговорили к смерти
Уже в семнадцатом году.

Со всеми братьями и сестрами
Прощаясь, и почти незрим,
Он шаг за шагом жизнь навестывал,
Но прошлое ползло за ним.
Какую страшную награду
Ему всучил позорный век:
По Ленинграду... граду... аду
Повешенный шел человек.

Он долго шел бы по заснеженной
Стране — без мер, стране — без вер,
Но этот человек повешенный
Зашел зачем-то в «Англетер».

КОЛЫБЕЛЬНАЯ 37-ГО ГОДА

Спите, граждане, гражданки, намотавшись по стране,
Пусть у вас прольются слезы покаяния — во сне.

Темной ночью у подвалов вновь ревут грузовики —
Там расстреливают левых правые большевики.

Полстраны спит на Лубянке, в Магадане — полстраны.
Спите, граждане, гражданки, вы пока что не нужны.

Спите все, кому сегодня жизнь по-прежнему мила,
Ничего, что вас разули и раздели догола.

Ничего, что кровь и слезы душат вас, когда темно,
Завтра утром вы вздохнете и проснетесь все равно.

Спите крепко, спите долго... Вас никто не ждет нигде,
Ваши сны летят и гибнут в соннике НКВД.

ЛУНАТИК

Б. Пильняку

Над родиною русского народа,
Пустив людские корни под топор,
Зажгли луну семнадцатого года
И погасить не могут до сих пор.

Она стоит, как будто в карауле,
У каждого окна... Молчи! Замри!
И я забылся, скорчившись на стуле,
Казенном стуле номер тридцать три;

Кругом кричали, плакали, стонали.
И вдруг раздалось звяканье ключей.
Хор палачей завыл в ночном подвале,
И кровь стекала с пальцев палачей...

Нет, я не сумасшедший, не фанатик,
Но каждый раз отныне, лишь засну,
Из прошлого — в мой сон — один лунатик
Врывается и дует на луну.

Ее кровавый глаз стоит на месте.
И я шепчу, приблизившись к окну:
— Борис Пильняк, давай подуем вместе
На эту пролетарскую луну.

Строй палачей уходит к Мавзолею,
Они идут след в след, плечо к плечу.
И я о прошлой жизни не жалею,
А о грядущей думать не хочу.

Слепой рассвет отыщет в списке длинном
Последние как будто имена.
Но точно знаю: ночь начнется Гимном,
И Гимном вновь закончится она.

ОДА ГУЛАГУ

Солнце сжалось в стальной кулак
И судьбу проглотил ГУЛАГ;
В тридцати шагах от костра
Пристрелили меня вчера.
И поют навзрыд соловьи;
Соловки... вокруг Соловки.

За высоким забором дня
Кружит красных фашистов страх;
Чтобы ты не нашел мой прах,
Сотни мертвых укрыли меня.
И вороны сошли с ума;
Колыма кругом... Колыма.

Бродят тени убийц впотьмах —
Пахнет кровью Архипелаг.
Ты не плачь на моих костях,

Потому что мы все в гостях.
Но однажды на Страшный Суд
Соберутся все души тут.

ХОДИБУГ

О. Мандельштаму

1.
Позвольте напомнить;
Я так не хотел горевать.
Еврейского мальчика
Любит
Еврейская мать.
Но диск телефона поймал ленинградский овал,
А некто «Рябой» приходил и у двери стоял.

Позвольте напомнить;
Я так не хотел умирать.
Еврейского мальчика
Любит
Еврейская мать.
Но стынет душа под безжалостным сном января,
А некто «Рябой» возводил по стране лагеря.

Позвольте напомнить;
Я так не хотел вспоминать.
Еврейского мальчика
Любит
Еврейская мать.
Но всех телефонов и всех лагерей номера
В отчаянной памяти перемешались вчера.

2.
Он жил в доме, где ночь и ржа.
А нынче шепчутся в народе;
«Его бездомная душа
По Новодевичьему бродит».

Сбежав от псов цепных и сов,
Ты заблудилась, панцирь сбросив,
Здесь нет камней или крестов
С тем именем заветным «Осип...»

Судьба поэта — в кружку грош
На Храм всемирного устройства.
Но с правдою смешалась ложь,
Образовав иное свойство.

И прошлое не расколоть,
А будущее не догонишь.
И прячет человечью плоть
Земля, которую не вспомнишь.

Так память, плача и дыша,
Теряет вырытую яму.
И без надгробия душа
Еще грустит по Мандельштаму.

ТОВАРИЩ ЦВЕТАЕВА

М. Цветаевой

Нет, не вернулась из прошлых разлук
В дом, где хотела согреться.
Все, что могли, вырывали из рук
И выжигали из сердца,
И загоняли на сталинский круг —
Лагерных верст... Из былого
Ей все мерещился адовый крюк
Вместо серпа золотого.

Медленно вянут вокруг тополя,
Преют рыбацкие снасти.
«Товарищ Цветаева,
Как Вам петля —
В дар от советской власти?»

Нет, не Елабуга кралась из тьмы
Провинциальной воровкой
В двери открытые. Это же мы
Ждали все время с веревкой.
Вот и дождались: пошла наугад
Самоубийцею — в гости,
Мимо крестов и чугунных оград
На бесконечном погосте.

Смерть, словно пепел, ни с кем не деля,
Сгинула, как от напасти.
«Товарищ Цветаева,
Как Вам земля —
В дар от советской власти?»

НОЧЬЮ

В два часа совсем темно,
Только я той тьме не верю.
Не подсматривай, Окно!
Не подслушивайте, Двери!

Спрятан шепот между строк,
Скрыт обман под маской ямба.
Не склоняйся, Потолок!
Не раскачивайся, Лампа!

Я смотрю во все углы,
Где живут мои гиены.
Не скрипите так, Полы!
И не сдавливайте, Стены!

Знаю, будет мне судьба,
От которой только взвою.
Не гуди во мрак, Труба!
Не спеши, Душа, на волю!

Пусть попозже, пусть потом
Это все со мной случится.
Не разваливайся, Дом!
Не кричи, дурная Птица!

РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ

Б. Пастернаку

Пастернак лежит на русском кладбище.
Чистый-чистый оседает снег
На его еврейское пожарище —
До конца не вымоленный грех.

Всякая судьба подобна чуду
Или быть должна такой она.
Он всю жизнь молился за Иуду,
Словно в этом есть его вина.

Судьбы слиты в общую посуду
И не отвести ему уста.
Пастернак молился за Иуду,
Чтоб дойти до сути — до Христа.

Он искал божественное слово.
И Россия, может быть, была
Для него как русская Голгофа,
Что его к бессмертью привела.

Снег на камне вытравил фамилию,
Годы жизни и черты лица.
Но поэт свою земную Библию
Дописал до самого конца.

«НА ЧУЖОМ ЯЗЫКЕ – ПОЧТИ ЧТО НА ПТИЧЬЕМ»

* * *

Паустовский пишет: в Тарусе рай –
снегири на яблонях, словно штрифель,
а когда идешь в деревянной сарай,
снег, исписанный воробьиным шрифтом.

Всё крыльцо – в синицах, в щеглах – окно,
на страницах крыши – ворон помарки.
Время движется, как в немом кино,
под стихи какого-нибудь Петрарки.

Приезжай их горьких своих столиц,
чтоб увидеть в подлиннике Россию.
Я вчера приручил трех певчих птиц –
Ариадну, Анну, Анастасию.

* * *

Волны лижут песок, словно шепчут: «I Lo-o-oveyou...» и «So-o-orri...»
Мы с тобой возле самого-самого Черного моря.

Ялта, Сочи, Гурзуф, Коктебель... здесь кончается лето,
И качается вечер, как вечность, на краешке света.

Мы на ощупь находим друг друга, мы первые с краю,
Мы срастаемся кожей – и море уносит нас к раю.

Путешествие вдаль, там, где волк догоняет собаку:
-Ты куда? – Я домой. – Я с тобою. – Куда? – На Итаку.

Я не знаю, чем кончится наше с тобой двоеборье
В эту ночь возле самого черного-черного моря.

Губы шепчут: «Люблю...» и «Прости...». Здесь кончается Лета,
И качается чайка, как ангел, на краешке света.

* * *

Край непуганых ангелов, лохов и пчел,
Где мы жили с тобой понарошку.
Я почти что всего Мандельштама прочел.
Догорала церквушка за правым плечом,
Где-то слева светилося окошко.
Жизнь, казалось, совсем ни при чем.

От цветочного меда слипались глаза,
В гнездах ангелы сонно шептали –
О любви к Мандельштаму. И все были – за,
Даже падшие. И вспоминалось, как мы
Запрещенные книги читали,
Не боясь ни тюрьмы, ни сумы.

Даже в тесной постели, почти между строк –
На измятой сентябрьской странице
Мы, обнявшись, зубрили внешкольный урок,
Словно две перелетные птицы.
И, дымя папироской, всю ночь по пятам
Шел за нами О.Э. Мандельштам.

А под утро границы имперской любви
Размывались: от местной таможни
До сусальной церквушки, той, что на крови.
Ты шептала, уткнувшись губами в плечо:
Спать с тобой нагишом невозможно...
Впрочем, Осип Эмильевич здесь ни при чем.

* * *

Перегрызть пуповину, спешить на зеленый свет,
отражаясь в стеклах левым побитым боком,
оставляя сзади свежий кровавый след
между русской матерью и иудейским Богом.
Горько плакать и звать на помощь подобных себе
на своем языке – почти что зверином,
ничего не зная о страшной, как сон, судьбе,

кроме имени в чем-то списке — казенном, длинном.
Возвращаться через гламурный туннель во тьму,
отражаясь в стеклах ликом своим двуличным,
снова плакать и звать на помощь подобных Ему
на чужом языке — почти что на птичьем.

* * *

У зимы, понимаешь, нет имени, просто зима —
Имярек, имярук, заводной псевдоним хохлома.
На постельном белье ослепительный всплеск наготы,
Чтобы слепо — от паха до губ — вспоминать: это ты.

У зимы столько заспанных лиц, что не стоит возни
Узнавать. Пьяный дворник скребет тротуар до восьми.
Мы, целуясь взасос, запиваем любовь февралем,
Ощущение, что мы теперь никогда не умрем.

У зимы столько флуда на русском, родном языке:
От суммы до тюрьмы. Значит, лучше прожить налегке.
Мы как первые птицы, которых забыли в раю,
Так и будем лежать в наготе — воробей к воробью.

* * *

говорю тебе пока мы налегке
говорю тебе на птичьем языке
до-ре-ми-фа-соль-ля-си и снова до
ну, зачем нам разорённое гнездо
пусть лежат как письма в стране глухих
эти сломанные прутики ольхи
наша родина теперь в другом краю
на чужбине штат айдахо говорю
а в россии пусть страдают от любви
от любви неразделённой воробьи
говорю тебе не спорь и не суди
море лаптевых осталось позади
льётся речь моя отравленной водой

до-ре-ми-фа-соль-ля-си и снова до
мы летим уже над стиксом говорю
я люблю тебя... и я тебя люблю

* * *

Если б можно было жить иначе,
Но проклятья не перебороть:
Мучаюсь... грешу... люблю... и плачу,
Тесную разнашивая плоть.

Только смысла нету – плоть всё тоньше,
И труднее жить, едва дыша,
Потому что гибельней и горше
Созревает к старости душа.

А душа растёт, ей нет предела,
Даже смерть – пространство в сорок дней –
Лишь скорлупка брошенного тела
На случайной родине моей.

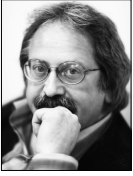
* * *

Любовью, равной смерти и рождению,
Наполнен я, как музыкой – труба,
Доверившись земному притяженью
И неземному воздуху у лба.

Соединив две вечности, паденью
Не преданы ни гений, ни толпа.
...Я два тысячелетья за тебя
Сегодня отдал высшему мгновенью.

А ты вздохнула зябко у порога:
– Одной любви для этой жизни много.
И в дом вошла, в котором я не жил...

.....
(«Возвращение», Венок сонетов, 14)

Вячеслав Черников. Художник-график, иллюстратор, дизайнер. Оформил более двухсот литературно-художественных изданий, в том числе, все прижизненные книги Валерия Прокошина. Автор четырех книг. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Флорида», «Георгиевский крест», «Кораблик», «ЛиФФт» (Калужский), «Облака» (Калуга). Графические работы выставлялись в Москве, Калуге, Обнинске, Боровске. Лауреат премии им. В. Берестова за книгу «Сказы о Боровце». Член редакционной коллегии регионального журнала «ЛиФФт». Живёт в Ермолино.

А ЧЕГО ЕЩЁ НАДО!

*Провинция не всегда отставала от столиц во вред себе.
Иногда в период упадка главных центров
глухие углы спасала задержавшаяся в них
благодетельная старина.*

Борис Пастернак

1.

Он был клёвый, Валерка. С ним не соскучишься. Хотя, посмотришь — ничего особенного: разговор простецкий, темы не вселенские, особого изящества в рассуждениях нет, одевается как все вокруг — ни тебе шарфика на шее, ни яркой рубашки... многие и «купились» на это: маечка, джинсы, движения суетливые, сумка на левом плече. Я сумку на правом плече ношу — было удобно идти рядом с Прокошиным, разговаривать — сумки не мешали. О чем говорили: о ценах в магазинах (начало 90-х), о детях, их успехах и капризах («Маруся заболела, надо лекарство купить. Здесь нету, поеду в Балабаново...»), о проблемах на работе («На лето удалось устроиться дежурным электриком в пансионат. Там хорошо — ночью сидишь, никто не отвлекает...»). А то прибежит с новой идеей: «Я к тебе на минутку — в Обнинске газета новая появилась («Вы и мы»), я там уже был. Не хочешь им шапку нарисовать?» Я всегда хотел, ехал, знакомился — с ним это было легко и просто: «О, Прокошин пришел!» — как будто и ты уже всех знаешь, сразу в водоворот дел, заданий увлекают... Он уже с Сергеем Коротковым или Евгением Еремеевым судачит... Хорошо!

Конечно, говорили и о поэзии. Именно от Валеры я услышал о Кабанове, Кенжееве, Лиснянской, познакомился с современной поэзией москвичей, киевлян, питерцев, сибиряков... Но чтобы о высоком разговаривать, о проблемах творчества — нет, этого не было. Мы тогда наивно полагали, что проблем этих нет и быть не может, кроме одной: как все, что наработано, показать людям. Проблема эта была серьезной, но технической и особых поводов для пессимизма не вызывала. Ну, нет доступа в толстые столичные журналы, зато есть газеты, а в газетах друзья-товарищи и те газеты читаются в районе всеми, значит конкретный адресат известен и будут отзывы на улицах: ну, Прокошин, молодец! А чего еще надо!

Как-то очень рано поняли, что не в воспитании человека смысл искусства: кого и чему оно научило, если не переводятся подлецы и бюрократы, хамы и мошенники. Если продолжаются войны, голод, страдания...

А в чем смысл? А в воспитании и развитии своей собственной души. Мы не можем ошастливать этот мир своей картиной или поэзией, но душа наша мгновенно откликается на то, чем мы занимаемся. И каждая новая работа над картиной или стихотворением становится ступенькой этого становления. Душа обретает непередаваемую чуткость и помогает в совершенствовании твоих следующих картин, стихов, музыки... Наверное, каждый, кто занимается творческими делами, ощущал это на себе.

Потом радость — списанную в редакции печатную машинку «Ятрань» приобрел. Главный редактор районки Людмила Аникина разрешила забрать. Осваивал недолго — приносил свежееотпечатанные листки и оказывалось, что такой знакомый, смешливый и простецкий Валерка знает о жизни такое, о чем мы и помыслить не могли.

Классические строки Ахматовой о стихах из сора мы все знаем, но вот как использовать, как увидеть и, главное, как зафиксировать, какими средствами...

«Зачем я так видеть и слышать могу» — это Прокошин еще 80-х, помните? Многие поэты отмечали эту одновременность радости и страдания? Может это и есть признак истинного таланта?

Он умел сказать о простых вещах так, что обыденность исчезала. Просто жизнь, вся эта суебливая мелкая круговерть, на которую внимания не обращаешь, разве поскулишь тихонько, что опять не хватает времени на творения высокие, вся эта жизнь оборачивалась подлинным искусством и невероятной глубиной. Откуда? Почему? Из какого такого воздуха? Да вот из того же, каким и мы дышим. Из пустоты и суеты. Обычный день, событие, случай, выраженный словом у Прокошина становился значимым, материальным, важным...

Не удержусь и процитирую полностью предисловие первой калужской книги Прокошина «Боровск. Провинция», которое написал вопреки своему правилу не писать предисловий к издаваемым им книгам, замечательный поэт и издатель Владислав Трефилов потому, что это, во-первых, первая профессиональная рецензия на его творчество, а во-вторых потому, что она, на мой взгляд, очень точно соответствует тому, о чем я пытаюсь сказать.

«Что такое поэзия?»

Как, каким чудом возникает она ниоткуда, словно сознание, словно жизнь, или вдруг неуловимо исчезает неизвестно куда? Отчего все-таки иногда, каким-то наитием случайное творится таинство и будничныи мир преобразается?

На эти вопросы нет ответа, но задаешь их себе снова и снова, когда держишь в руках эту книжку.

А из памяти сами собой выплывают строки, давно ставшие классикой: «Когда б вы знали, из какого сора, // Растут стихи, не ведая стыда, // Как желтый одуванчик у забора, // Как лопухи и лебеда...»

Вся эта книжка, и стихи, и поэтическая графика ее, выросли вот из такого «сора», — «на радость вам и мне».

Тут «заборы насквозь проточены, // Приглядишься, а там, внутри: // Одуванчиковые обочины, // Лопушиные пустыри...»

Тут «по осени улицы тонут в грязь», «лошадь тащит повозку, как плуг, // Прижимаясь к обочине ближе», и «лишь гремят про человечность // Бездомные товарняки», — все это тут, и все это называется провинцией.

Но странная, казалось бы, штука: провинция предстает перед нами не только ничуть не идеализированной, а наоборот, — подчеркнуто убогой, однако ощущения убожества ее не возникает. Больше того, провинциальные картинки кажутся милыми сердцу, хотя любовь к ней декларируется лишь изредка, в крайних случаях:

Я люблю тополя, их болезненный вид...

или:

Я люблю с гиблым запахом эти места,

С непонятым уродством карнизы,

Где рукой до земли

И рукой до креста —

Две моих не сложившихся жизни.

Вот эта любовь, мудрая и смиренная, живущая в душе несмотря ни на что, всепрощающая любовь, — она и есть настоящая, данная свыше. Такую любовь называют космической.

Космос — как духовное начало и продолжение земной жизни — органично цементирует образ этой книги, являясь ее неотъемлемой частью не в качестве поэтического антуража, а как необходимая сущность. То там, то тут возникают то оградка, то свеча, то разом расцветающие церковные маковки, то монастырский закат, то церквушки, — потому что испокон века на Руси «провинция — библейские места, // Тысячелетье варварства и чуда».

Космос проявляет себя, как бы сгущая время и пространство, переводя сущее в другое измерение: «Мне кажется, здесь был когда-то дом, // Который долго рушился потом», // И разрастался вглубь, и вверх, и вишь // Мой монастырский утренний пустырь»,

// На стенах отпечатки дней храня, // Узоры пальцев смотрят на меня», // И словно капля клея, сохнет день, // Меня вжимая в собственную тень».

Неживое становится живым, чувствующим, говорящим:

И почти совсем без сил

Оседает пыль и пепел.

Что-то колокол спросил...

Что-то колокол ответил.

Так возникает ощущение вечного, ощущение высшего, ощущение божественного, потому что талант всегда только от Бога.

В. Трефилов».

2.

«Мысль изреченная есть ложь» — очень верно — так я и ощущаю. Все мемуары, воспоминания — художественный вымысел. Нельзя пересказать жизнь во всей ее многогранности чувств, ощущений, мыслей, поступков, дел...

Когда-то Вера Чижевская, говоря о книге Валеры «Боровск. Провинция», признавалась: увидела название и подумала, что опять будет умиление старыми двориками, домами... Знаю, мол, я эти дворы, специально ездила в Москву посмотреть воспетый Арбат — грязно, затхло, темно... разбитые скамейки, обшарпанные двери подъездов... Что там может быть хорошего?» Резонные сомнения для тех, кто в этих дворах не рос, для кого эти обшарпанные стены не являются памятью Детства.

Провинция, как известно, — это место, откуда хотела бы сбежать добрая половина населения нашей страны (так думают не только столичные жители). Провинция — это понятно что — неудавшийся старт. А Прокошину это было непонятно совсем. Старта не было. Писал стихи, размышлял, понимал, что в столицах публикации не реальны, но зато здесь, в Боровске, Обнинске, Калуге, все зависит только от тебя самого.

Валерка никуда не хотел сбежать. Андрей Коровин, позже сказал всем, что и не надо.

Провинция сегодня уже не столь изолированное от литературных процессов место, как было всегда. Телевидение, интернет, мобильная связь, современные средства передвижения сделали даже такую огромную страну как наша единым пространством творческих людей. Я ощущаю это.

«Знаешь, заметил, что стихи публикуются мгновенно, если к ним приложить иллюстрацию. Нарисуй что-нибудь вот к этому стихотворению, я завтра забегу», — предложил он однажды. Так и пошло: он приносит стихи — я рисую — он публикует.

Пришел радостный — купил мыльницу цифровую. Фотографией увлекался давно: еще пленочной. Была у него и фотокамера широкопленочная, а вот фотоувеличителя не было. Пленки складировались до лучших времен. А теперь принес мне эту фотокамеру — нужна? Я увлекался слайдами: на широкой пленке они получались особенно впечатляющими. Камера эта у меня до сих пор — вещественная память о Валере.

А он к стихам стал делать еще и фотографии.

Прокошин фотографировал все: балабановский рынок с пешеходного моста, водителя маршрутки, пацана на Гысовке (горка в Ермолино), свалку во дворе, бабушек (назвал этот цикл «Уходящие старухи»)... Сделал целую серию фотографий из Ермолинского Дома ребенка, где воспитывались малолетние (до двух лет) дети-инвалиды. Эта тема обездоленности была ему особенно близка: мы сделали буклет на эту тему и фоторепортаж в спецвыпуске районной газеты, но Валера еще не раз писал и делал телерепортажи об этих малышах. В его силах было лишь напомнить обществу о них, а вот как вернуть здоровье, как сделать жизнь этих детей хоть немного счастливее и радостнее?

В начале 2000-х стал фотографировать бабочек. Гонялся за ними в любую свободную минуту. Где эти фотографии сейчас, не знаю. Чуть позже появились и стихи о бабочках и мотыльках.

Прочитал, что «Русское кладбище» — это одна из вершин зрелого Прокошина. Сравните, говорят: вот ранние стихи (цитата), а вот «Русское кладбище». Чувствуете насколько глубже, пронзительней... Понимаю, хочется все разложить по полочкам и привести к привычной норме — сначала все получается похуже, потом мастерство растёт и только затем появляются шедевры. Но парадокс в том, что этот цикл был написан Прокошиным уже к 1993 году, через 3 года после самой первой книги «Поводырь души», а два стихотворения из этого цикла были опубликованы уже и в первой книге. Нет, все сложнее и непредсказуемей.

Почти все его циклы (а Валера писал именно циклами) появлялись лично для меня неожиданно. Вдруг увлекся детскими считалками. Он их собирал, сочинял... Потом опубликовал небольшую заметку о детском дворовом творчестве. И все, как отрезало. Появилось увлечение хайку. Что он мог прочитать о них, не знаю, но чутьё у него было удивительное: тонкие, чувственные его эксперименты в этой области воспринимаются как совершенное творение мастера, отшлифованное многолетним творчеством. Я с удовольствием поэкспериментировал тогда с книгой-перевёртышем, но вышла лишь книга Эльвиры Частиковой, а прокошинская часть осталась в электронном варианте. Кстати, там были классно обыграны названия. У Эльвиры часть называлась «Триада», а у Прокошина — «Три ада». В качестве иллюстраций использовались живописные картины Овчинникова, что не позволило добиться того, что я хотел. Японский дизайн лаконичен и строг, а тут картинки пастелью да ещё и печать в одну краску...

Помню, как радовался он приобретению первого своего компьютера — подарок Людмилы Киселевой: «У меня теперь есть выход в интернет, будем переписываться...». Компьютер был слабенький, только для текстов, интернет подключался через модем и телефон, компьютер постоянно зависал, связь обрывалась... Нет, полноценного общения не получалось. Но поэтический горизонт расширился — появились публикации в ЖЖ, Сетевой словесности, первые приглашения в Москву, в Киев... Это была высота, которую стоило осваивать и Валера писал по ночам письма, собирал подборки стихов для публикаций, советовался, читал отзывы, писал рецензии...

— Как пишется онлайн, — спросил он как-то, — вместе или отдельно?..

Это рождался цикл «Мать-и-матрица», которую Андрей Коровин назвал первой поэмой об интернете, и Прокошина интересовала терминология, нюансы, названия клавиш...

Его творчество выходило на новый уровень, становилось многогранней и глубже, тоньше и непредсказуемей. В интернете о нем стали писать, цитировать, спорить... А Прокошин уже горел новыми планами, поездками, книгами. Он становился переводчиком жизни на язык поэзии и темы для творчества роились вокруг него.

«Я последний романтик века»... — сказал о себе Прокошин в конце 80-х, не предполагая, что это эпитафия себе уходящему. Романтизм закончился с выходом первой книги. Но его поэзия тогда только начиналась. И она уже не закончится никогда.

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

* * *

нагрешил, говорит, не глядя, мол, все заповеди нарушил
даже те, говорит, которые и писать было запаadlo
свет, горевший внутри стекла, обжигает теперь снаружи
тьма мешается под ногами, молча дергает за подол
нагрешил, повторяет, сука, мол, поймал, говорит, с поличным
и показывает, мол, fuck you и прикуривает от свечи
и стою голышом, как в детстве, пожимаю плечом по-птичьи
прижимаю нательный крестик — он же сам меня приручил
нагрешил, говорит, с лихвою, поколений, примерно, на пять
не отмывься, не отстирайся, не отмазаться одному
свет, скользящий поверх стекла, выжигает напалмом память
серафимы стоят в прихожей, безразличные ко всему
нагрешил, говорит, и баста, собирай, мол, свои манатки
и ступай типа по этапу, отправляйся, куда скажу
и идут эти трое следом, наступая почти на пятки
свет, горевший внутри меня, льется сваркою по этажу

Эльвира Частикова. Поэт, прозаик, руководитель обнинского ЛИТО «Сонет». Заслуженный работник культуры. Член Союза писателей России. Автор более 20 книг. Публиковалась в журналах «Волга», «Смена», «Зинзивер», «Журнал ПОэтов», «День и Ночь», «Дети Ра», «Крещатик» и многих альманахах и сборниках. Первый лауреат премии им. Марины Цветаевой. Работает в Центральной библиотеке г. Обнинска. Член редакционной коллегии регионального журнала «ЛиФФт». Живёт в Обнинске.

НЕВОД

С 2009 года время полетело быстрее, увеличивая разлуку с Валерой до своей проклятой безразмерности. На улицах всё меньше и меньше встречалось похожих на него, и всё реже я порывалась метнуться навстречу. Значит, постепенно приходила горькая вера в отсутствие...

Однако по-прежнему хотелось обмануться, и глаза отчаянно искали привычный образ. На память прибегали строчки, подворачивались его ответы на никуда не девшиеся «проклятые вопросы», в зоне которых продолжалось моё пребывание.

Так стихи проходили проверку временем, выдерживая её и отстаивая творца. Но мне, знавшей и просто человека — именно человека! — не хватало живого общения с ним. Я ловила себя на том, что сочиняла наше нынешнее взаимодействие, мысленно обращаясь к Валере и худо-бедно сама за него отвечая. Основу так называемого сюжета составляли многочисленные диалоги, не успевшие состояться при жизни. В этой иллюзии я опиралась на поэтику совпадений, силу абсурда, занимавшего моего друга, на его постимпрессионизм ...и разыгрывала настоящий космический спектакль. А как это ещё назвать? Отдавая свой голос главному персонажу, я настраивала слух на известную мне волну Валеры, подпитываясь подлинным интересом к нему, сочувствием и пониманием. И он, находящийся где-то далеко-далеко, за седьмым небом, оказывался мною услышанным со своим голосом, смехом, покашливанием, игрой, рефлексией.

Разговор усложнялся интерпретацией, моей невольной редактурой, и даже сомнамбулизмом, ведь он происходил не на самом деле, а как бы во сне, и вся ответственность лежала на запустившем сновидение. Не вполне реальная реальность могла ведь повести и по ложному пути! Но что делать?! Как я могла ещё поделиться с Валерой жизнью, дать ему забросить невод в недоступный окружающий мир?

- Послушай, - говорила я, - какие мощные стихи вновь написал твой любимый киевский поэт Александр Кабанов:

«Степь горит, ночной огонь кудрявится,
Дождь, вслепую, зашивает рот,
Кто-то обязательно появится:
Нобеля получит и умрёт.

Вспыхнет над славянами и готтами
 Древняя сверхновая звезда,
 Жизнь полна любовью и пустотами,
 И бесплатной смертью навсегда...»

- Ты что, класс! – подхватывал он. – Мы их с Рыжим уже отметили. Такие строчки, будто сам их и придумал, словно все образы мои: Холодок мерцающего лезвия, /Степь горит, незнамо отчего, /Русский бог, как русская поэзия: / Вот он есть, а вот и нет – его.

У меня у самого большой цикл «Степь», так всё перекликается с ним, его взглядом. Рыжий тоже согласен...

- Борис Рыжий? Так он ведь и не застал этих стихов, они более поздние, уже после него написанные...

- Застал – не застал: это не про нас. Тут время едино.

- Как это? Одним куском, без «было – не было»?

- Ну, типа того, всё – в нашем распоряжении.

- То есть, оно есть?

- Ну! Как горбушка хлеба. С вашим, текущим в одну сторону, не сходится. Стабильная бескрайность.

- Как же вы с Рыжим пересеклись? Он же – сам, против воли Божьей... в отличие от тебя. Вы должны быть в разных отсеках, что ли...

- С чего это вдруг? – засмеялся он. - Много ты знаешь... на уровне своей незавершённости! Слово решает, которое было не только в начале, но и в конце – его весомость, честность. От этого зависит – куда, с кем...

Яблоко вкус соблазняет до райского хруста,
 Слово может быть вещим, - считал Заратустра.
 В этом мире, где все хоть чуть-чуть виноваты,
 Слово может менять даже судьбы и даты.

- Помню, это из твоего «Августа». И вы продолжаете писать стихи?

- Зачем? Всё про всё уже написано. Мы имеем итоги, по ним судим...

- Но это ведь – без развития, движения, - вздохнула я.

- Прости за банальность, но движение – это, сама знаешь, ЧТО!

- Ой, это ты меня прости!

- У тебя – размытые ориентиры, а мы держимся за твёрдые итоги, - повторился он.

- Значит, память остаётся, да?

- Как без неё? Как без роду-племени...

- А можно там у вас выйти на предка, родственника?

- Без хаоса, всему свой черёд, своя полоса постижений. Правила есть правила.

- А окошечки в наш мир открываются?

- Тут сложная система, ну, типа, выходных дней, по-вашему. Дается возможность узнать, порой даже позаботиться о своих, но без нарушения временных поясов и установленной дистанции.

- Для тебя уже выделялись такие дни, ты знаешь, сколько у тебя внучек и внуков?

- Конечно, поэтому я и в курсе.

- Наверно, больше Лерочкой интересуешься, с которой успел натетехаться? Все другие появились уже после...

- Все – свои, ко всем душа повернута. Они же – копии моих дочек, не спутаешь, даже пацан такой же – Маринкин Вовчик. Одна порода. Лица у всех – как под копирку. Удивительно и приятно.

- Продолжение твоё. Смотрят на мир твоими глазами.

- Вот-вот, и это – не метафора, это – настоящее утешение.

- Смысл жизни, который мы ищем и раздуваем до невероятных размеров, поди, в это как раз и умещается...

- У каждого – свой предел. Что мы тут будем о смыслах? Они – в итогах, как я говорил. Если всё уже случилось, произошло, то судить, как могло бы пойти и во что всё обернуться... - от лукавого.

Что гадать на крылышках да и нет

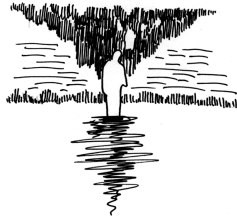
Только нет и да

И шумит вода

Размывая тихий вечерний свет

- Обожаю твои стихи. Помнишь, как мы друг с другом разговаривали нашими текстами, исповедовались или прятались за них, играя рифмами и образами? Особенно в нашей с тобой «Новой сказке о рыбаке и рыбке».

- Что ты, я не играл. В них – моя окончательная правда.

РАЗГОВОРЫ С ДРУГОМ

Памяти Валерия Прокошина

1.

Поговори со мною книжкой
Своей прижизненной, февральской,
Делясь то образом, то фишкой
Какой-то новой, завиральской.
Я рассмеюсь, пока не тяжко
Читать глаза твои – гвоздОчки,
Под перекур: прищур, затяжка
И ямбы лёгкие... до точки.

2.

Так никто уже смеяться в этом мире не умеет
Над собой и над другими, рассыпаясь на «ха-ха».
Может быть, твои девчонки, дочки, выросшие феи?
С бубенцами, с хрипотцою, растянув судьбы меха.
Обниму их и поглажу, до тебя не дотянуться.
Ты и снишься отдалённо, тамбур не преодолев.
Я выманывать не смею на крутящееся блюде
Ни души твоей, ни строчек – на тупой парад-алле.
Я тянусь к тебе иначе – вспять по памяти, по шпалам.
Отчего нам было вольно и так молодо-смешно
В Полотняном и Тарусе, Боровске, Калуге, Малом?
Словно чей-то хитрый пальчик направлял нас на одно.
Так никто, как ты, смеяться больше не готов со мною,
А верней, сама не в силах хохотать я, как с тобой.
Ты ушёл, и прежней жизни нет, в ней кончилось смешное.
Вот ведь, есть же справедливость, и не видит лишь слепой!

ПИСЬМА ДРУГУ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Валерию Прокошину

1.

Чашка с шиповником розовым...
Ты обожал сладкий чай,
Перемежая вопросами
Трапезу, смехом — печаль.

Сахарным хрумкал сухариком,
Кашлял, хватаясь за грудь.
Но Губермановским гариком
Оздоровлялся чуть-чуть.

На эпатаж было смелости
Не занимать и тебе.
На позитиве и зрелости
Ты открывался судьбе.

Но всё очерчено рамою,
Как горизонтом земля.
Над завершённой программой
Поздно судьбу умолять,

«Примой» дымить, сыпать искрами,
Не накурясь на краю...
Пахнет шиповником искренним
С чашки твоей, как в раю.

2.

Сначала, тоскуя, ждала на могиле
То ль вести, то ль знаков твоих поднебесных,
Которые вряд ли живому по силе...
Мне мало стихов твоих стало известных.

И памяти — мало, и восстановлений
Каких-то деталей, былой переписки
С тобой, и кассетных твоих выступлений...
Что делать, когда недоступным стал близкий?

Назначить виновницей главной могилу!
И я перестала ходить к ней. Довольно!
Вот чашка твоя, но она запустила
Зигзаг по фарфору, слизав почерк молний.

И рукописи пожелтевшей листвою
Скукожились, время, считая разлуки.
Его У ТЕБЯ нет, а здесь – межевое
И преданное интересам разрухи.

Повсюду следы, поражения, шрамы...
Чего только стОят с тобою НЕвстречи!
Но разве сравнить с болью старенькой мамы
Твоей ...эту рану? Мне легче, мне легче...

3.

Хоть ответов и жажду, но вопросов не шлю,
На которые мог бы ответить мне снами.
Снам я как-то не верю, а тебя, как люблю,
Продолжаю сама, сочиняю цунами.

Повышаю давление, и гранатами слов
За тебя «отдуваюсь», себе отвечая...
Ты – сторонник иллюзий, ты и в жизни готов
Был поддерживать их, пожимая плечами...

Напустить много дыма и смотреть сквозь него,
Дескать, я ни при чём, чем сбивать с панталыку.
Я тебя продолжаю, я с тебя самого
Вечный слепок снимаю и пишу нашу книгу.

Хоть себя сам лепил ты, но твердил: - Рок есть рок.
От беды заслонялся всё чаще бравадой.
Ну, а правда нажала, как всегда, на курок –
Ничего не попишешь, не сделаешь с правдой.

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

К НАШИМ С ТОБОЙ ФОТОГРАФИЯМ

Эльвире Частиковой

1.
Между книгой об Эльбрусе
И колодой карт –
Снимок, сделанный в Тарусе:
Поздний март.

Чуть размыта панорама,
Тень на снег легла.
Мы стоим, как в центре храма
Из стекла.

Ветер в солнечной уздечке,
Полдень голубой.
Я с тобой на фоне речки,
Я – с тобой.

Бог навёл на нас бинокли,
Заскучав в раю.
Мы продрогли и промокли
В том краю.

Но фотограф нашей встречи –
Пьяный Даниил
Соболиным небом плечи
Нам укрыл.

Тают мартовские свечки,
Вечность за спиной.
Ты со мной на фоне речки,
Ты – со мной.

2.
Жизнь, давно разбитую,
Вспоминать не будем:
В горе все мелодии
На один мотив.
Но мгновенье вечности
Из медовых будней
Выхватил, прицелившись,
Чей-то объектив.

Проплывает облако,
Чуть трепещет ива,
Речка без названия
Убегает вдаль.
И под заколдованным
Взглядом объектива
Мы с тобой счастливые —
Ничего не жаль.

Это наше прошлое
Августовским мёдом
Просочилось в трещинку
Будущих разлук.
И на фотографии
С каждым новым годом
Светотени времени
Замыкают круг.

Людмила Киселёва. Художник, журналист, общественный деятель. По её рисунку «Девочка под зонтиком» создан памятник «Пусть светит», установленный в Санкт-Петербурге и Боровске. Лауреат литературной премии имени Николая Островского, награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством». Лауреат международной премии «Профессия — жизнь», член Союза художников России, член Союза журналистов России. Родилась инвалидом, с диагнозом «миопатия». Почётный гражданин Боровска. Автор трёх книг прозы. Живёт в Боровске.

КОГДА ДОЛГО ЖИВЁШЬ

глава из книги

С Валерой Прокошиним ко мне пришло всё то, чего жаждала моя женская душа: быть рядом и не быть достижимой. Быть желанной — и невозможной. Смотреть друг на друга, восторгаться, радоваться присутствию и томиться желанием быть вместе и не иметь возможности соединения. Наверное, я полюбила не столько его самого, сколько невысказанное его чувство ко мне. Его стихи, посвящённые мне и не посвящённые, были как объятия, как молчаливые признания в реальной жизни, как любовное томление, чего мы оба ещё не знали. А образ реального Валеры был за стихами.

...В больницу я взяла с собой книгу «Утопия Гурина» Анатолия Кима, очень популярного в то время писателя. Я читала о том, что все мы, люди, — частицы одного целого, что мы взаимодействуем и если что-то заболит у одного, то это отзовется у другого. Что все мы бесконечны, что жизнь не обрывается смертью, душа переходит в другое тело. Это было время просвещения ищущих умов об устройении космоса и месте человека в нём с точки зрения восточной философии и религии. Тайно по рукам ходили издания, которые пришли и в мой дом, но это случилось чуть позже. А пока эта книга влиялась в меня, устраняя ту тяжесть, которая угнетала мою душу. Во мне не было страха смерти, ведь я чувствовала себя частицей мира, которая не может умереть. Я не задумывалась о том, как это возможно в реальности.

Реальность была в моей памяти совсем другая: смерть моего деда, его похороны, плач родственников, траурный марш и собственное рыдание, я сама, едущая на траурной машине рядом с гробом деда. Какой частицей мира может стать это грузное тело, которое на моих глазах опускали в яму? Моё сознание искало объяснения в этой «Утопии», я шарилась внутри себя в глубокой тьме, выискивая тайное понимание нашего видимого бытия, смысл своего существования и всех, кто приходит в этот мир из неведомого небытия, чтобы вернуться опять в небытие.

Вопросы юности опять возвратились ко мне, но на них опять не было ответа.

По ночам, когда не спалось, я впервые попробовала молиться в очень странной форме: с закрытыми глазами в воображении я «рисовала» в пространстве кисть руки, обращён-

ную вверх, и тут же над нею — вторую кисть, примыкающую к первой. И так, перемешая одну ладонь над другой, словно пробираясь по невидимому канату, я передвигалась «ручным шагом» далеко вверх, в небо. Я «ходила» в небо не один раз, и однажды мне то ли во сне, то ли в стадии просыпания явились люди в белом, которых я приняла за врачей.

Они склонялись надо мной, будто я лежала на хирургическом столе, и что-то со мной делали, от чего я испытывала чувство полной незащитности, беспомощности. И мне хотелось плакать от этого ощущения. Через многие годы у апостола Павла я прочитала: «...и препояшут тебя и поведут, куда не захочешь», и это соединилось во мне с тем давним сном по ощущению своей полной обезволенности.

Я стала выздоравливать. Но только телом, а сердце моё, несмотря на такое потрясение, осталось по-прежнему в плену страсти, и это было невозможно побороть своими силами.

Вот тогда и пришла радостная весть: газета «Правда» с моей статьёй «Я рисую Боровск». Эта публикация восстанавливала не только храм, но и мою душу. Мне казалось чудом, что моё слово, сказанное через газету, может что-то изменить в судьбе храма, я не думала тогда, что за мной стоит сила, которая движет моей рукой. Газету принесли мне в палату два друга, с которыми я только недавно познакомилась: Николай Милов и Валерий Прокошин.

А познакомил меня с ними Виктор Жигарёв.

Судьба его была схожа с моей — он был неподвижен с рождения, учился на дому и когда закончил школьную программу, растерялся. А что теперь? Куда? Об этом он и написал мне своё первое письмо, полное отчаяния.

В таком положении находятся многие инвалиды в нашем отечестве. Забота о них — мизерная пенсия, а мама, посвящая свою жизнь больному ребенку, не имеет ни зарплаты, ни трудового стажа, ни пенсии. Даже получить образование для инвалида — проблема. Помню, как плакала моя мама, сидя перед заведующим РОНО напротив учительницы по литературе, которая тоже плакала: мама настаивала, чтобы учительница приходила к нам, а та отказывалась — учителям вменялось домашнее обучение как общественная нагрузка, то есть неоплачиваемая работа. Поплакав, обе посочувствовали друг другу. И я продолжала учиться. Впрочем, учёбой это трудно назвать, общественная работа выполнялась через пень-колоду: учителя приходили, когда хотели, иногда в месяц два раза, и знания мои были соответствующими. Но я была старательной, да и учителя меня жалели, поэтому я считалась отличницей.

Витино письмо поставило меня в тупик: «Ты моя последняя надежда...» Он хотел делать что-то реальное, видимое глазу, например, табуретки, а я делилась своим опытом и разумением, что мы должны избирать для себя тот труд, который возможен в наших условиях. Это часто бывает, как я поняла из многих писем инвалидов, когда они хотят жить обычной жизнью здоровых людей и не могут психологически согласиться со своей ограниченностью, со своей избранностью. Переписываясь с этой категорией людей, я искала в их жизни те способности, увлечения, которые даны были им.

Витя писал стихи. Они были слабые и по форме, и по содержанию, и по технике, но табуретки он делать не мог физически, и я поддерживала в нём увлечение поэзией, попытки облечения в слово своих мыслей и чувств.

Пройдут годы, и Витина книга стихов «Звёздные запахи» увидит свет. Маленькая, самодельная, она появилась уже после его смерти. Витин дом стал пристанищем для всех, кто увлекался стихосложением, кому в радость была игра с рифмой. Эти двое друзей, Валера и Николай, объединились с Виктором в своём занятии. Знакомство с творчеством друг друга, горячее обсуждение своих стихов, стихов известных поэтов, чтение книг, ставшее их общей жизнью, общей радостью, — всё это у них уже состоялось в то время, когда в их круг вошла я, став центром внимания.

С появлением этих людей в моей жизни случился такой поворот в судьбе, которого не предполагал никто. Я искала средство своего возрождения, возвращения себя, чтобы наполниться тем новым, что готовилось во тьме невидимого мира. Это произошло не сразу.

С Валерой Прокошиным мы долго общались по телефону. Ему было двадцать шесть, он был шутлив, разговорчив, и нам было легко друг с другом. Я немножко играла с ним, как играет взрослая женщина с юношей. Мне нравилась эта игра, она отвлекала от тяжёлых мыслей, а для Валеры моё внимание было, как снисхождение той королевы, которой я всегда мечтала быть в чьём-то мужском сердце. Но игра стала превращаться в реальность, когда накануне встречи, о которой мы договорились по телефону, я шутя спросила Валеру: «А ты не боишься встречи со мной, вдруг она станет судьбоносной для нас обоих?» Валера на минутку замер, словно, правда, испугался, а потом отшутился тонно разудалого мужчины. Однако при встрече он смущался смотреть мне в глаза, и это создавало атмосферу чего-то тайного, возникающего меж нами.

С Валерой ко мне пришло всё то, чего жаждала моя женская душа: быть рядом и не быть достижимой. Быть желанной — и невозможной. Смотреть друг на друга, восторгаться, радоваться присутствию и томиться желанием быть вместе и не иметь возможности соединения. Наверное, я полюбила не столько его самого, сколько невысказанное его чувство ко мне. Его стихи, посвящённые мне и не посвящённые, были как объятия, как молчаливые признания в реальной жизни, как любовное томление, чего мы оба еще не знали. А образ реального Валеры был за стихами.

Странное несоответствие было в этом человеке, словно жили в нём две разные сущности: один — поэт, с тонкими изысканными фразами, возвышенными чувствами, неожиданными метафорами и таким философским видением мира в поэтических образах, что, казалось, всего этого не может быть во втором человеке, во внешнем, с его ограниченным лексиконом, его насмешливостью, ехидством, ироничным отношением к людям, с его громким хохотом, дурачеством, клоунадой. Казалось, в нём боролись два разных человека, но рядом со мной в его душе властвовал Поэт. Валера трогательно по-мальчишески пытался «ухаживать за мной», одаривая цветами и деньрожденными подарками, чтобы узаконить свое положение «возлюбленного». Но за его спиной была реальность в лице женщины, которая ещё не была его официальной женой, но уже носи-

ла в себе его ребенка. И вскоре я стала крёстной матерью его любимой дочки Марины.

Я так никогда и не узнала, чем и кем была для Валеры, — он никогда не сказал об этом вслух. Спустя годы я поняла, что была в жизни Валеры скорее Музой, чем женщиной. Его жизнь сложилась так, что в ней не было той любви, о которой, может быть, мечтала его душа, как это часто бывает с ищущими свой идеал, чтобы испытать восторг, вдохновение, чтобы захлебнуться от неземного чувства, когда одно лишь присутствие рядом любимого вызывает желание упасть перед ним на колени от переполненности внутренним блаженством. И я была живым воплощением, в которое реализовалась его мечта. Его первые стихи именно о такой любви, в них нет земной эротики, нет прикосновения, в них всё — дух витающий одной души рядом с другой.

Белым-белым за окном снегом,
Тонким-тонким у меня слухом —
То ли ты летишь ко мне эхом,
То ли я к тебе лечу духом.

Тёмным-тёмным надо мной небом,
Станным-странным у меня страхом —
То ли ты идешь моим следом,
То ли я иду твоим шагом.

Ну а если ты о чём спросишь,
Между мною и тобой скалы —
То ли ты ещё во мне бродишь,
То ли я ещё живу мало.

Отчего вдруг иногда плакать
Так легко, как будто я в детстве?
То ли ты уже — моя память,
То ли я уже — твоё сердце.

Стихи Валеры были созвучны душевному настрою Николая. Они легко ложились в одно русло с теми мелодиями, которые рождались у него и становились песнями, не разделёнными на текст и музыку, обретая новую жизнь. Музыка и слова этих песен обладали какой-то магической силой, которая покоряла многих слушателей, томила великой жадной любви, которую все ищут на земле. И все неизменно спрашивали: «А стихи чьи?» Это задевало Николая, и его ревнивое самолюбие стремилось занять моё внимание своими стихами. Его поэтические образы не сразу открылись мне своим скрытым смыслом, они казались мне рассудочными, сделанными, путанными. Только спустя годы я увидела в глубине этого тёмного колодца дневные звёзды переживаний Николая, его неустроенной души.

Это было удивительное время. Где-то далеко на востоке болело моё сердце, которое трудно было вернуть на своё место и утешить, но рядом были двое молодых людей, им не было ещё тридцати лет, которые с обожанием смотрели на меня и позже признавались, что стихи писали для меня и песни пели для меня, соперничая друг с другом, желая понравиться.

И тот вакуум внутри меня, где отсутствовало сердце, заполнялся, чтобы мне снова обрести веру в себя, радость бытия, ощущение своей нужности и желание поклонения, которого мне так не хватало как женщине.

Господь был рядом со мной, Он носил меня на руках, когда у меня не было сил ходить, когда у меня не было сил жить. У Него были свои планы на моё будущее, которые мне ещё предстояло узнать.

*

Но слобу, уходящему в воду,
Лунный лучик скользнул и ушёл.
Так душе возвращалась свобода,
Наклонив над безрадостно лоб.

Так бывало: набожная мамма
Одевала око в пальмад,
Те незрелые облаки-ягоды
Зуде отвеживая висят.

Так бывало... Не ребёнком ли зрелыми
Молчаливый мячик катился с небес
И выведывал светлой скворечни,
И прищипывал поле и лес.

А над уфо онолось и спалоось
От-крутивших над пальцами-сфур.
И такая незрелая малость
Успокаивала, как любовь.

Так спалилось - в боске по слобу -
Отмечалось в дальних стихах
Носилась по ребёкому звону
В колокольчиковых щелках.

Автограф
В. Прокошина
(из архива
В. Черникова)

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

БАЛЛАДА О БОРОВСКЕ

Людмиле Киселёвой

Город городу ставит свечу
На углу, где мерцает аптека.
Я сегодня опять нашепчу:
«Снегопад – состояние снега
Неустойчивое, как балет».
И сияет над соснами свет.

То ли сон, то ли память-подросток,
Заглядевшись на тайный обряд,
Извлекли покосившийся Боровск
Из церковных чугунных оград.

Белый улей летит к изголовью,
Заметая в провинцию след,
Чтобы я не вернулся с любовью,
Пробираясь сквозь заросли лет,
В дом, где женщина женщиной стала,
Незаметно сойдя с пьедестала.

То ли сон, то ли зренье опять
Заблудилось в дыму папиросок.
Лунный свет, отпусти меня в Боровск –
Две судьбы на одну поменять.

Снова мне не хватает дыханья –
Оставаться собой на земле.
И как детское воспоминанье:
О любви, о словах, о золе –
Резкий запах домашнего чада
Под господней стопой снегопада.

То ли сон, то ли поздний набросок
Двух художников – он и она,
И рассыпчатый лапчатый Боровск
Под окном... за окном... из окна.

* * *

ПОРТРЕТ

Л. Киселевой

Л. Киселевой

Где мы жили – кривая улица,
В мелких трещинках небосвод,
Как пластинка старинная крутится
Двадцать пятый, наверное, год.

Только чуть рассветает, и дождик,
Моет окна для птиц и детей,
Я уже просыпаюсь, художник,
Для последней картины твоей.

Тополя вдоль дороги сутулятся,
Словно видят всю жизнь насквозь.
Где мы жили – смешная улица:
Вкривь и вкось.

Старый холст уходящего лета
Так похож на старушечий лик,
Я, наверно, встречал уже где-то
Это сходство (напомни, двойник).

Все по-прежнему в этом городе:
Тополя, переулки, мосты,
Где когда-то и мы были молоды
И чисты.

Целый день я твой раб и заложник,
Заводная игрушка стиха.
Есть какая-то гибель, художник,
Сочинять и не ведать греха.

Только ты не подумай, пожалуйста,
Что оплакиваю судьбу,
Просто жаль уходящего мальчика
Без единой морщинки на лбу.

Завтра утром холодные трубы
Нас разбудят и ты в сотый раз
Нарисуешь печальные губы
Далеко от прищуренных глаз.

***Николай Милов.** Поэт, прозаик, художник, музыкант, чудесный исполнитель песен на свои стихи и произведения других авторов, в частности своего друга, Валерия Прокошина. Художник-график и мастер декоративно-прикладного искусства. Его стихия: графика, пастель, лозоплетение, глиняная игрушка. Режиссёр документальных фильмов о Боровске. Выставлялся в Боровске, Калуге. Живёт в Боровске.*

НИКОЛАЙ МИЛОВ

* * *

В. Прокошину

Если выгорит полсада
В середине сентября,
Не печалься, друг, не надо,
В этом мире всё не зря.
Скоро сбросят лисьи шубы
Городские деревья,
Отлетит в печные трубы
Всё, что помнит голова.
Все твои снега и беды
Вместе с болью отомрут,
Ты не жил, ты только ведал,
Как же в сущности живут.
Наберись, мой друг, терпенья
Не предать свой звёздный час
До того, как всепрощенье
Вознесёт тебя и нас.

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

* * *

Николаю Милову

Невзначай, ненароком небесная тишь
Наполняет проемы колодцев.
Неприкаянным ангелом, друг мой, летишь
За расколотым солнцем.

Задевая осенней листвы кружева,
Два зрачка пропитались слезами.
Но еще в них, покамест, наивность жива —
Восхищаться друзьями.

Мимо окон и мимо обветренных крыш
И жилищ окаянных уродцев
Неприкаянным ангелом, друг мой, летишь
За расколотым солнцем.

Так прохожих своим задевая крылом,
Пролетает прозрачный ветер:
Странно-странно потом и печально при том,
Будто ангела встретил.

Стихи
В. Прокошина,
вписанные им
в книгу «Между
Пушкиным
и Бродским»,
(из архива
Н. Никулиной)

* * *

Есть страна, из которой давно и исвет
Улетели все ангелы, гудевшая грех,
Набеса сопила сверху, то исвет, то снег.

Там однажды обтерлась бурная дубра,
Вуши вилкала келимба, словно рожне —
и вилала шана в доброй смехе кабыль.
Ник зверь,

Для страны, погружённой кабыль в либуль,
Как Фриеский мизок — в ирландийский
Длишь — вник, мени, вырван, выделен, кабыль.

В той стране, где происходила мизик и
Только галки осенней мушкетер из окна,
Я вилала свою гашу до работы диска.

В той стране, везе, Тимасеб сухую колони,
Медо цуркибала кабыль в оребити смехе...
и затаи се райские мина. Кимити.

К

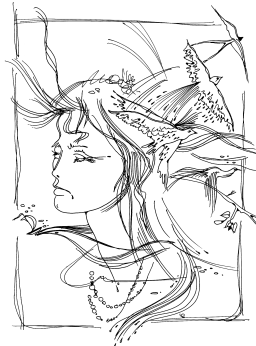

Галина Ушакова. Поэт, прозаик, детский писатель. Автор трёх поэтических сборников, двух прозаических книг и трёх книг для детей. Дипломант премии им. Алексея Толстого за детскую книгу. Дипломант международной Волошинской премии в номинации проза. Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Союз писателей», «Сибирские огни», «ЛиФФт» (Всероссийский и Калужский), а также во многих областных и городских альманахах и сборниках. Живёт в Обнинске.

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ В.П.

* * *

Изливается свет и слезами из Божьего ока.
 Изливается свет и слезами далекой звезды.
 Жизнь тебя отпустила задолго, задолго до срока...
 Пить тебе не испить теперь горькой летеиской воды.
 Разлетаются птицами боги ангелы в стороны,
 Ты вдогонку летишь и теряешь перо за пером.
 Вслед кричат, гомонят очумелые черные вороны –
 То ли падшие ангелы, то ли дурное ворье.
 Пахнет зябко геранью и снегом осевшим провинция,
 И в Пафнугьевский храм богомольцы неспешно идут.
 И шепчет душа в синеве то скворцом, то синицею.
 В белой пене оливы стоят в Гефсиманском саду.

* * *

Как дворник заправский
весна убирает снега
и с южных краев
возвращаются птички стада
по капле выходит Протва
из своих берегов
и ежится всюду земля
от ночных холодов.
а он не встречает весну
потому, что его уже нет.
Возможно он там
где вращаются
оси планет
где пыль астероидов ест
как земная глаза.
стихов ни читать
ни писать
в этом месте нельзя.
безмерно отсюда
далек его отческий дом
стирает вселенная
слезы ему рукавом.
он слаб перед ней
потому что
теперь навсегда
он пленник вселенной
влекомая ею звезда.

* * *

Мне думалось
смерть не отыщет тебя
а ты все курил сигареты
а ты говорил
то ль всерьез, то ль шутя
что знаешь секрет
про секреты
ты с ангелом падшим
немного дружил
гулял с ним по Интернету
когда я про веру и Бога
спросила
сказал ты
не будем об этом
не будем об этом
о том о другом
на пару дымить
выходя на балкон
читать запинаясь
друг другу стихи
об этом, о том,
о стихии любви
ты не оглянулся
когда уходил
я так и не знаю
каким же ты был.

*Альманах «Истоки»,
№№7-8, Москва, 2014 г. с. 70.*

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

ДУШИТ / ЖАБА БАСЁ или ПРИКОЛИСЬ / К ЁЖИКУ

Весной 2003 года в Интернете было объявлено о создании новой сверхкраткой поэтической форме ТАНКЕТКА. Она состоит из двух строк и шести слогов (3+3 или 2+4). В танкетке не предусмотрены знаки препинания, потому что над такими текстами легче медитировать: «правила в определении танкетки были введены затем, чтобы предотвратить написание танкеток с тревожной, будоражащей интонацией, не соответствующей сосредоточенному молитвенно-медитативному настроению». Кроме этого в ней не должно быть больше пяти слогов, чтобы читатель мог посчитать их в уме, а не загибать пальцы после каждого прочтения. Автор идеи Алексей Верницкий утверждает, что изобретенная им форма отличается от всех ранее существующих: «они не похожи ни на один из кратких жанров: ни на хокку, ни на одностишия, ни на пословицы, ни на афоризмы».

Согласиться с этим трудно, потому что тексты утверждают как раз обратное. В публикуемых танкетках без труда можно обнаружить элементы и хайку (стук в крышу/дождь пришел), и афоризма (две по сто/и родство), и пословицы (первый блин/лицом в грязь), и чисто поэтический образ (все капли/бездонны). Здесь же встречаются визуальные тексты и палиндромы. Какая-то часть «коротышей» нахально балансирует между верлибром (комар/вот и лето) и прозой (Лето/сичу в трусах). А еще есть группа текстов, которые и не знаешь, к чему их отнести (Я список/кораблей; цветы/ качаются; Поэт/не дорожи; сносит/течением) и т.д.

За два с лишним года существования на сайте «Сетевая словесность» размещено уже более восьми тысяч текстов-коротышей. Однако собственно к танкеткам можно отнести гораздо меньше половины из них. Любой внимательный читатель заметит, что самые удачные тексты строятся на абсурдности, парадоксе, неожиданных смешиваниях образов, понятий, смыслов и т.д.. Все это может проявляться на самых разных уровнях: от простого (Икар/не Гагарин) до сложного (Чечня/недвижимость), от зрительного (Зебры/ штрих-код саван) до чувственного (изменил/изменись), от игрового (план такой/забывай) до жизненного (тесно/на паперти), от туповатого армейского (стой там/иди сюда) до литературно-философского (ума/палата шесть).

На самом деле, все лучшие танкетки по своей форме ближе всего стоят к слоганам. И в принципе совсем не важно: шесть слогов в тексте или пять и семь «Согрешил/согрелся; Переспал/не выспался». Суть танкетки осталась в обоих примерах, хотя количество слогов в текстах разный. Кстати, об этом же пишут А. Верницкий и Г. Циплаков в своей новомирской статье: «... а в этом тексте на один или два слога больше, чем полагается в танкетке, но тематика и интонация типично танкеточные...». Расположение слогов по строчкам тоже не суть, да и знаки препинания совсем не мешают. Потому что, сколько над танкеткой не медитируй, вряд ли оттуда что-то потустороннее извлечешь. Парадокс и еще раз абсурд. Иначе получается, что в форму танкетки в принципе можно загнать любой текст, начиная от азбучной фразы (Мама/мыла раму) до таблицы умножения (дважды два/четыре).

Условно танкетки можно разделить на две группы – паразитическую и самостоятельную. В текстах из первой группы перерабатывается уже готовый материал, как правило, с использованием пословиц, поговорок, крылатых выражений: (Прокруст/ложе мало; виски/ из копытца; пуля/на посошок; хлеб зрелищ/зачерствел). В текстах из второй группы используется материал собственный (у вещи/везде фас; магнит/для Феликса; хохлы/осалились; о вечном/о вещах). Можно предположить, что из всех видов танкеток в будущем выживут и приживутся тексты именно из этих двух групп.

У придуманного А. Верницкий жанра есть одно уязвимое место. Никогда нельзя быть уверенным, что только что написанную тобой танкетку не сочинил до этого кто-нибудь другой. Например, Ф.М. Достоевский (Красота/спасет мир), А. Вознесенский (Чайка/плавки Бога), или безымянные фольклористы из недавнего (В Москву/за песнями) и далекого прошлого (Волка/ноги кормят), а то и мест не столь отдаленных (Век воли/не видать). А. Верницкий и Г. Циплаков уверяют, что «современная Россия, идя по пути танкетки, преодолел и оставив позади путь одностиший и частушек, обретает вслед за другими восточными странами продуктивное социальное направление в поэзии». Думаю, это все-таки несколько торопливое утверждение. Ведь некий символический парадокс видится в том, что танкетка до сих пор находится в стадии эксперимента. Рожденная под крышей Мировой Паутины, она даже в Интернете продолжает пока существовать, как на необитаемом острове. Несмотря на многочисленные публикации в бумажных изданиях, этот литературный жанр еще не тронут ни одним исследователем. Да и массовостью он похвастаться не может. Постоянных участников этого эксперимента сейчас насчитывается не больше десятка. Плюс случайные посетители сайта: от никому неизвестной Рушы до главного редактора «Нового мира» Андрея Василевского.

ДИКИЙ МИР ТАНКЕТОК ДОБР

Звери в руках людей, будто одомашнились, а животные – почти очеловечились. Божьи твари стали братьями меньшими. Под лупой поэтических образов они вдруг обнаруживают свои скрытые от поверхностного взгляда качества. А порой – и пороки.

Гусь свинье не товарищ, а человек человеку – волк.

Да, индусы знали, как урвать лишнюю сотню лет у Творца. Перерождение типа игры в прятки. С Богом. Обознатушки-перепрятушки похлеще вавилонского долгостроя. Приятно позалупаться на коротконогую жизнь, чтобы потом еще век стоять на опушке дуб дубом. Обхрюкаться можно. Человека можно обожествлять, а зверя – очеловечивать. Например, в литературе или кино. На то оно и искусство. Но в жизни инстинкт самосохранения заставляет людей сбиваться в толпы, партии, армии. А наши братья меньшие собираются в стаи, стада, косяки. Резервация мало чем отличается от зоопарка.

Мир сказок одно из немногих мест, где звери в силу обстоятельств поступают по-человечески. На равных творя добро и зло. Однако реальная жизнь погрязла в метаморфозах, одна из которых печалит больше остальных: люди звереют. И свою одичалость они пытаются компенсировать за счет белых и пушистых.

ЗЕБРЫ / ШРИХ-КОД САВАНН
или КРАСНА / КНИГА СКОТИН

* * *

Стрижи стрижка ветра
В. Прокошин

* * *

дятел телеграфист
В. Ермакова

* * *

стая птиц клинопись
В. Ермакова

* * *

грачи пролетели
Г. Жердев

* * *

Журавли Клин клином
В. Прокошин

* * *

кукушка бухгалтер
В. Ермакова

* * *

баланс трясогузка
В. Ермакова

* * *

стреляный
соловей
В. Ерошин

* * *

Марал а с рогами
В. Прокошин

* * *

попка долгожитель
Irina

* * *

орлы сиамские
Р. Савоста

* * *

у птиц и фас профиль
А. Верницкий

* * *

птиц полон рот двора
В. Монахов

* * *

все лавры аисту
В. Ермакова

* * *

Снегирь
слоган зимы
В. Прокошин

* * *

и снам петух хамит
В. Монахов

* * *

петух пиарится
В. Ключников

* * *

жуки битломаны
А. Корамыслов

* * *

бабочка с изнанки
Р. Савоста

* * *

муха СЛОНяется
В. Ермакова

* * *

слепень камикадзе
С. Дышловой

* * *

зебры штрих-код саванн
А. Верницкий

* * *

ласки в куньих норках
А. Корамыслов

* * *

красна книга скотин
Р. Савоста

*Танкетки даны не полностью.
Читать на: Библиотека сайта
«Вечерний Гондольер».
http://gondolier.ru/156/156prokoshin_1.html*

Ольга Шилова. Поэт, журналист. Лауреат Всероссийской премии им. В. Прокошина (2014). Член Союза Российских писателей. Публиковалась в журналах «Фома», «Сибирские огни», «Человек на Земле», «Гостиная» (США), в калужском журнале «ЛиФФт» и других. Член редакционной коллегии регионального журнала «ЛиФФт», критик. Живёт в Мещовске.

* * *

Эта сырая земля, эти сосны и эта земная ограда...
 Господи, как это больно, и как это вынести нам...
 я не хочу, не хочу, не хочу, не хочу... но ведь надо
 это принять, и понять, и смириться... и, что ещё там....

что абонент недоступен, или занят, иль временно замер...
 что между мной и тобой кто-то взял, и поставил пробел...
 и что твой vizer, и твой 01, и собака, и gambler -
 это для писем о т т у д а ... осиротевший е-мейл...

Осенний _ романе.

В какую даль, в какую урость
Бензавт с Душой навеселе,
Когда во всём разогеруюсь
На этой маленькой земле.

Какую женщину мне фросить,
В полнозной часе обцеловать.
В осенней слаботе пределёзии
Мне больше нечего терять.

Какой Дешёвото забудуся
Лобовью, драмемной на груди,
Когда во всём разогеруюсь.
... Разогеруюсь как-нибудь.

Отмузгившем боской всевышней
Душа опомнится опять,
Ведь в этой жизни, в этой жизни
Её больше нечего терять.

...Так они осенние гянутель,
Нуекай так гянутель, нуекай.
Когда во всём разогеруюсь -
Ты об себя не отнуекай.

*

ВАЛЕРИЙ ПРОКОШИН

ПОСВЯЩЕНИЯ

* * *

Андрею Коровину

Если к Черному морю однажды приехать — больным, одиноким, расстроенным,
если моря не видеть, а лишь представлять, словно Морис Дрюон. Пить весь день,
пить весь вечер, всю ночь коктейбельский коньяк с непутевым Коровиным,
вспоминая всё время другую Итаку — советских времен.
Мы там были и пили — по три шестьдесят две, в обычную русскую складчину,
но с французским душком были речи, и мысли, и помыслы все:
революция, родина... только потом вечно скатывались в азиатчину:
всё про женщин, про баб, про блядей, и какой, мол, дурак Одиссей.
Мы там были на этой Итаке, скажи, мы клялись, что не будем такими же,
если что — не вернемся ни к падшей жене, ни к пропащей стране...
Если к морю приехать больным, постаревшим, короче, с затасканным имиджем —
в темноте это Черное море по-черному черным вдвойне.
К опустевшему берегу, дикому пляжу спускается пьяная улица:
кто там голый по пояс стоит? Отвернись от его наготы.
И на счет раз-два-три повернись и увижу, что море совсем не волнуется,
что его не волнуют ни Понтий, ни Понт, ни чужие понты.

* * *

Лене Элтанг

Осторо... осторожнее,
Не пролей впопыхах
Из пустого в порожнее:
Эти — ох, эти — ах!
Всеми русскими гласными
Обжигая гортань,
Жизнь уходит оргазмами
Прямо в Тмутаракань.
Никакого события

С точки зрения Ра:
Ну, любовь, ну, соитие —
 Ломовая игра.
Привкус шавеля конского
 На бесстыжих губах.
В переводе с эстонского
Только — ох, только — ах!
Так предсмертными стопами,
 Что уже не сберечь,
 По осенней Эстонии
 Разливается речь.

ВЛАЖНАЯ ДАНИЯ

Хилине Кайзер

Знаешь. А я здесь давно не живу,
 Это из датского
Прошлого: Дания, дождь, дежа вю
 Памяти Чацкого.
Женщины тонут в объятьях мужских,
 Мокрая — каждая
Пятая. Дания в чреве тоски —
 Влажная, влажная.
Вечер сползает рубашкою с плеч,
 Нижнее — горсткою...
Я уже путаю русскую речь
 С финно-угорскою.
Что в эту ночь передать журавлю,
 Мимо летящему?
Дождь, — передай, передай, — дежа вю,
 Только по-нашему.

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЙ ПОРТРЕТ

С. Ильюшиной

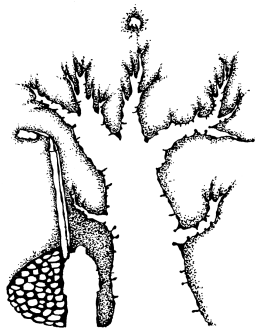
Полдень. Вкус цветов и мака.
Листьев траурная тишь.
У могилы Пастернака
Одинокая сидишь.

И о чем-то тайно грезит
Твой неприрученный ум,
Славы просит? — Сторож срежет
Пару роз на твой костюм.

Поцелует лоб без страха
Теплый и случайный дождь.
От могилы Пастернака
Одинокая уйдешь.

Окунешься в серость прозы.
Ночью вскрикнешь от тоски —
Две испуганные розы
На пол сбросят лепестки.

...Над бумагой ждут лишь знака
Пальцы, словно пять опять.
У могилы Пастернака
Сторож ждет тебя опять.

* * *

Юрию Карабчиевскому

Ну, зачем ты вернулся в страну, где простуженный с детства пейзаж,
И где утренний свет над снегами прозрачней, чем можно представить?
Жить в России нельзя – это сон, это бред, это пьяный кураж...
Это все, что угодно, чему не подвластны ни время, ни память.

Ты еще пожалеешь об этом, очнувшись под утро в дому,
На котором поставили крест двое ангелов – белый и черный.
Пробираясь на свет, ослепивший с небес, ты вернешься во тьму,
И поймешь, наконец, что живущий в России – всегда обреченный.

Обреченный на все, кроме жизни, которой вовек не понять,
Не почувствовать даже, настолько она на земле невесома.
Ну, зачем ты вернулся в страну, из которой повторно сбежать
Невозможно, и где наш ваганыковский снег тяжелей чернозема?

* * *

Марине

Прокатилось солнышко по небу –
Наступила ночь.
Никуда сегодня не уеду,
Слышишь, моя дочь?

Спи спокойно в маленькой кроватке,
Замыкай свой круг.
Прилетит в оранжевой крылатке
Твой любимый друг.

Он расскажет нам смешные сказки
О чужих домах.
Ночь сотрет с лица дневные краски,
Слезы на глазах.

Спи, Марина, я сегодня дома,
Слышу звездный звон,
И твоя ладошка невесома,
И спокоен сон.

* * *

Александру Ковальджи

Расскажи про Кижы мне, Ковальджи,
У меня по ним всю жизнь ностальжи.
Ты же был недавно в той стороне,
Где вода лежит с землей наравне.
Говорят, там просто рай для души –
Без единого гвоздя. Дежа вю.
Воздух слаще, чем твое каберне,
Даже чибисы кричат: I Love you!

А у нас в Калуге сквозь этажи
Пролетают, отражаясь, стрижи.
Над подстриженным газоном тайком
Осы пьют бензин с парным молоком.
И над пропастью асфальта во лжи
Я живу здесь на восьмом этаже,
И уже не понимаю по ком
Гавриил звонит в б/ушной душе.

* * *

Т.Б.

Москва – ненадёжное русское место
Для жизни счастливой. И здесь, как известно,
Напрасны рыдания твои.
Но всё же за горстью туркменского плова
О бедной Татьяне замолвите слово
Хоть вы, Алишер Навои.

Ворона, шегол, воробей и синица,
Любая другая нездешняя птица
Поют на родном языке.
А четверо гуру из Третьего Рима
Забыли, что совесть непереводаима
И лучше уйти належке.

Ни книгой, которой названия нету,
Ни Рейном, впадающим медленно в Лету,
Ни хлебом из сталинской ржи.
Единственная среди тех, между прочим,
Кто лечь отказался на грязный подстрочник
В чужой азиатской глуши.

Февраль расплатился по липовой смете
В присутствии близких, при ангельском свете,
С бумажной иконкой в торце.
С двенадцати до половины второго
О бедной Татьяне замолвите слово,
Которое будет в конце.

БАБОЧКИ

Ремесло, чужбый ивацкой над марочными
Липы, напаленная аскальскими бамбуками,
Почтишь-шмыго из детства ия обманчивая,
Но по-прежнему, как много лет назад,
Всегдашняя первая кемкость Крамничца,
Увлекает за собой в аурельский сад.

Гологоше, как шатягекки марусине,
Гасионавшая кузнецкие ия рывине.
Боме, вай сажок ия раз еще амубицея.
До земли и макри в болотную ияма,
Шокадничца, Ликоничца, Калучишница -
Паджек девочек земные ияма.

Солнце кибсея над горки сянки едлоком,
Я ияма ия научес семейные иябикам,
Утром-зай, в аскаль-омлет, ия уше-равенка,
Силек соседки из марбури уювай...
И иямак аямаккия Мамисека
Над седлашея иямаккия головай.

Равдешаеб ияма гурмаккия - иямаккия,
Слово ияма - иямаккия, иямаккия,
Так иямаккия, в окоя вайеб, куратий -
Вайеб иямаккия, иямаккия,
Это иямаккия, иямаккия, это иямаккия,
Вайеб ияма, иямаккия, иямаккия.

✱

Стихи В. Прокошина,
вписанные им
в книгу
«Между Пушкиным
и Бродским»,
(из архива
Н. Никулиной)

* * *

В. Черникову

Перемешались буквы
У ангела во рту.
От Боровска до Бутовки
Июль провел черту.

На небе ни кровиночки
– Бескрайний синий холст.
А жизнь посерединочки,
А лето – в полный рост.

И с ангелом-заикою
Я заглянул за край:
Усыпан земляникою
Наш путь из ада в рай.

И зреет медной луковкой
Церквушка на крови.
Меж Боровском и Бутовкой
- Немой восторг любви.

Рукопись
В. Прокошина.
Позднее этот цикл
он назвал «Русское
кладбище»

Цикл "Безвременье"
Ангел.
Р.И. Дубовикову.

Любимые времена не знают,
Были бы они дикая лужа.
Дубовский угол... Вукокоря
В Обской гряде.

Толку младенца и вдова,
Ряду Мухомов, кто Вы?

Нам, кто не знает науку не чуждого,
Крайко оживающего нам Велю,
Наше преступление в небе,
Наша жизнь – не.

Всех бы безумства посево,
Ряду Мухомов, кто Вы?

Жел - Россия как Виново село!
Край и там самули за Бур.
То ли не пугала, то ли было
Все неубра.

Мы и покаяны павши,
Ряду Мухомов, кто Вы?

К Чеховскому кладбищу Вуко
Захотел и в Обской. Не цели.
Что-то уже случилось одною
Но об О. ждало.

Вуко, кто-то Ру хви,
Ряду Мухомов, кто...

ЛУННАЯ ПЛАХА

Виктору Жигарёву

1.
Люблю рождение стихов –
Ночных беспомощных младенцев
На чердаках черновиков,
Где совы караулят детство;
Украсть дитя у сторожей,
Согреть в ладонях, в путь отправить,
Вернув ему скупую память
Небесных чувств, земных вещей.

Но тяжесть лба и свет души
Соединились ненадолго,
Укоротив карандаши
И сладость крепких снов – и только.

Потом люблю, осиротев,
Подслушивать, как полночь лисья
Ласкает кожицу дерев,
На волю выпуская листья,
Как соловьи под песий вой
От слов отщипывают звуки...
И дети спят, раскинув руки,
Как бы летая надо мной.

А свет души и тяжесть лба,
Возможно, формула наитья –
И намагничена судьба,
Притягивающая события.

2.
А перед сном меня целует дочка.
И поцелуи влажные, как сети,
и пахнут морем –
это примешались дневные слёзы.

Женщина, которую люблю,
ото всех скрывая до сих пор,
вышла замуж за моего друга.
Я стоял беззащитный на черной земле
и плакал, как в детстве.

Укрой меня, полночь, широким крылом!

Над новой пустою тетрадью
просиживаю часами
и вижу огромное голое тело жены,
ждушего ласки и наслаждений,
и злое дыхание слышу ещё —
она ненавидит меня за стихи.

Укрой меня, полночь, широким крылом!

А ты позвонила недавно
и тихо заплакала в трубку:
- Моя любовь не для него открылась,
но ты не брал, боялся...
Друг несчастный смелее оказался перед ней.
А мне хотелось, чтобы ты здесь жил.

Но перед сном меня целует дочка,
и поцелуи влажные, как сети,
и пахнут морем —
это примешались дневные слёзы.

3.

Мне ни любви, ни мудрости не хватит,
Узнать у трёх грехов:
Зачем луна свой белый череп катит
Из адовых кругов?

Душа из тёплой клетки тела,
Сбежав привычно и легко,
На этот скользкий свет летела,
Не отлетая далеко.

Какой гипноз мои зрачки расширил
Над шариком земли:
Несовершенство жизни в тесном мире
Иль музыка вдали?

Луна лишь слабо отзовётся
На бабий окрик бытия,
Влюбившись в лунного уродца —
Птенца совы и соловья.

Я знаю, время истине заплатит —
Суд смерти невысок.
И только ты, измученная память,
Уйдёшь через висок.

пускай душа назад вернётся,
Очистившись от прошлых лет,
На дно небесного колодца,
Где копится душевный свет.

4.
Лунный холод пролился из трещин,
За окном необжитая даль.
Мне детей и влюбившихся женщин
В этой временной вечности жаль.

Виноватости чистая жилка
Всё прозрачней под кожей виска.
И судьбы приоткрылась копилка
Поднебесной тоской лепестка.

Колдовское биенье запястья
Вдруг совпало с земным в полумгле —
Чем вместительней сердце для счастья,
Тем бездомней оно на земле.

Голос мой средь людей неутешен,
Но останься предчувствием лбов:
Только ради детей, ради женщин
Согревает нас чья-то любовь.

Тайный лучик высверливал лунку
На ладони, пока я не спал.
Свет нездешний скользнул по рисунку
И зрачки по лицу расплескал.

5.
Оглянулся... Дымился мой стол —
Толстый трупик вороны,
Опустели глаза как перроны,
Где креста генетический ствол
Без корней и без кроны.

Оглянулся... Могильная слизь
Зацвела возле сада.
Продырявив стекло и карниз,
Словно змеи стихи расползлись —
Ядовитое стадо.

Подставляя лицо небесам,
Кто-то звал, не себя ли я сам:
«Умрёшь от свистнувшего страха
Иль до конца пройдёшь во мгле:
Луна — единственная плаха
Для всех поэтов на земле».

Оглянулся... Земли уголёк
Догорал виновато.
Всё смешалось в кровавый поток,
Притяженье ушло из-под ног
В притяжение ада.

Оглянулся... Зрачки и уста
Не узнали столетье,
Вылетающего из гнезда...
Вдоль спины серебрилась верста,
Обещая бессмертье.

И с надеждой к пустым небесам
Кто-то звал, не себя ли я сам:
«Проклонется росток из праха

Или останется в золе:
Луна – единственная плаха
Для всех поэтов на земле».

6.
Гибнет тело, врываясь в запретную область,
Словно лодка, попавшая в шторм.
Жадно кожу сдирает с меня невесомость,
Обнажая уродливость форм.

Вены лопнули с визгом – от скорости света,
И вишнёвая крупная кровь
Раскатилась – в лице ни кровиночки нету,
Но ещё оставалась любовь.
Рвут горячее мясо, хватая за горло,
Две кометы – собачьи слюны.
И расплавился мозг, и дымился прогоркло
Возле черепа стыллой луны.

Мир гремит, как пустая железная бочка
По обочине небытия.
Расползалась в пространстве моя оболочка,
Но я помнил тебя!

И когда смерть коснувшись меня, с омерзеньем
Вдруг отпрянула, срок отложив,
Я увидел каким-то предгибельным зреньем
Эту плаху... и понял, что жив.

7.
События лежали грудой
Небрежно брошенных монет.
Я чувствовал себя Иудой
И прошлых, и грядущих лет.

Я видел Землю в миг геенный,
Когда, не слушаясь мольбы,
Её извлек уродец-гений
Из чрева собственной судьбы.

...Жена рожала в страшных муках.
Над ней огромней, чем Господь,
Висела мудрая разлука,
От плоти отделяя плоть.

...Я слышал, как вопили люди,
Ногтями раздирая грудь,
Когда осатаневший труд
Им вдавливал глаза и груди.

...В дому, пространство накрена
и изменив природу слуха,
Друг успокаивал меня:
«Любовь смертельней, чем разлука».

...Больной неведомый художник
В стране богатой и чужой
Сооружал воздушный мостик
Меж миром — телом — и душой.

...За грех, свершаемый тайком,
И вдруг увиденный в беседке,
Я бил ребёнка кулаком
Под визг беременной соседки.

Вдали терялись деньги, вещи...
Тускнели ладанки веков...
Я видел с высоты зловещей
Тайгу поднявшихся крестов.

...Любви лучевые зеленые знаки
Хранили меня в разъярённой тоске,
Когда обнаженным стоял в полумраке
На самом краю окровавленной плахи
С отверстием круглым на левом виске.

8.
А справа, словно ненароком,
Упал другой упругий свет.

Я чувствовал себя пророком
И будущих, и прошлых лет.

Внизу сквозь сеточку помех
Земля ещё живой летела,
Накручивая новый век,
Как бинт на язвенное тело.

...Жена молчала, умирая.
Над ней светлее, чем вчера,
Стояло время, отделяя
Добро от зла, зло от добра.

...Трудилось скопище идей
Железных, облегчая долю.
А мимо, вырвавшись на волю,
брели скелетики людей.

...В провинции, где выла сука
За покосившейся оградой,
Я был на похоронах друга,
Зарезанного пьяной бабой.

...А на заброшенной могиле
Художника, пугаясь буйства
Репейника, потомки свили
Невиданный дворец Искусства.

...Я видел дочь в зрачках отца,
Когда смеясь над древней сутью,
Она кормила мертвеца
На кладбище молочной ртутью.

...А через миг или версту
Крупней, отчётливей и чище -
Я видел памятник Христу
На чернобыльском пепелище.

...Светлело кругом суеверно, как в детстве,
И зонтики дыма качались вокруг,

Знакомым теплом переполнилось сердце...
Вдали в гробовом одиночестве бегства
Луна завершала свой адовый круг.

9.
На подушке две впадинки, полные слёз,
Я оставил, как чайные блюдца.
Падший ангел меня в сновиденье занёс,
Из которого мне не вернуться.

Всё плотнее рассвет над вороньим гнездом,
Где пространство вчера пустовало.
А теперь круг земли подо мной невесом,
Как неясность чужого овала.

Из трёхмерного мрака надзвёздной версты
Мне увиделось зрением высшим:
Все земные дороги вначале чисты,
А потом по тяжёлым кладбищам.

Там, в конце, где прощались друг с другом века,
Никому не знакомый и лишний,
Умер мальчик, который не помнил греха
В продолжавшейся жизни.

С высоты, недоступной для зренья и птиц,
Падал я сквозь свою оболочку,
Словно пепел недавно сожжённых страниц,
Не сумевший сберечь даже строчку.

Горизонт горизонту посмотрит в глаза,
Чёрным утром ощупает темя.
Сон кончился, как дождик... Четыре часа –
Колокольное время.

1987 г.

Наталья Никулина. Поэт, журналист. Член Союза писателей XXI века. Редактор регионального журнала «ЛиФФт» Калужской области. Публиковалась в журналах «Новая Юность», «Крещатик», «Арион», «Журнал ПОэтов», «Плавучий мост» и других. Живёт в Обнинске.

* * *

Валерию Прокошину

с тех пор как Пушкина убили
чёрная речка
впадает в вечность
а из неё
как из чёрного ящика
выпадают поэты
то Ахматова
то Бродский
то просто Божией милостию
русский поэт.

В. Прокошин
в редакции
районной газеты
«За коммунизм»
(из архива
Т. Квашниной-Незавитиной)

Алфавитный указатель

Абалакова Вера	10
Киселёва Людмила	54
Кузнечихин Сергей	22
Милов Николай	61
Никулина Наталья	7; 87
Прокошин Валерий	8; 21; 23; 28; 36; 45; 52; 59; 60; 62; 65; 66; 67; 72
Частикова Эльвира	46; 49; 50
Черников Вячеслав	40
Чижевская Вера	18
Ушакова Галина	63
Шилова Ольга	69

Благодарим за финансовую помощь
Ольгу Галактионову, Елену и Владимира Соломатинных, Галину Ушакову,
Эльвиру Частикову, Веру Чижевскую, Ольгу Шилову.

Литературно-художественное издание

Память. Собака. Безвременье. Точка. Ру

Редактор

Н. Никулина

Художник

В. Черников

Произведения В.И. Проокшина даны в авторской редакции.

Рукописи В. Прокошина представлены на с. 58; 62; 70; 77; 78; 3 с. обложки.

На авантитуле:

В. Прокошин в гостях у Черниковых (г. Ермолино, 2006 г.). Фото В. Черникова

На задней обложке:

В. Прокошин у Л. Киселевой (г. Боровск, нач. 1990-х гг.). Фото Н. Милова

Тираж 100 экз.

Отпечатано:

Типография «Оптим-Пресс».

Калужская обл., г. Обнинск, ул. Гурьянова, 21, оф. 115.

Тел.: (484) 395 5646

e-mail: optima-press@obninsk.ru